

О МОТИВАХЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ ПОСТУПКОВЪ

въ особенности

ОБЪ ЭТИЧЕСКИХЪ МОТИВАХЪ И ИХЪ РАЗНОВИДНОСТЯХЪ

Проф. **Л. І. Петражицкаго.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Э. Л. Пороховщиковой, Бассейная ул., д. 3—5.
1904.

По опредѣленію юридическаго факультета ИМПЕРАТОРСКАГО С.-Петербургскаго Университета печатать разрѣшается 16 Марта 1904 г.

Деканъ Д. Гриммъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая брошюра представляетъ перепечатку съ нѣкоторыми, по большой части несущественными, измѣненіями статей, напечатанныхъ въ «Научномъ Обозрѣніи», 1903 г. №№ 1, 2 и 3, подъ заглавіемъ: «Природа этическихъ явленій и правосознанія, какъ мотивовъ человѣческихъ поступковъ».

Начальная часть изложенія заимствована изъ введенія къ готовящемуся къ печати сочиненію **Philosophie der Moral und des Rechts**. Переводъ съ нѣмецкой рукописи исполненъ г. А. Ю. Блохомъ. Остальная, большая часть написана авторомъ спеціально для «Научнаго Обозрѣнія» по русски.

Оглавленіе.

I. О мотивахъ нашихъ поступковъ.

Если, исходя изъ традиціоннаго трехчленнаго дѣленія элементовъ нашей психической жизни — „познаніе, чувство, воля“, мы оставимъ въ сторонѣ „познаніе“ (ощущенія и представленія) и, относительно чувства и воли, замѣтимъ, что „чувство“ означаетъ пассивное, страдательное состояніе (психологи обыкновенно опредѣляютъ понятіе чувства указаніемъ на то, что сюда относятся различные виды наслажденія и страданія, удовольствія и неудовольствія); что, напротивъ того, волевыя явленія, стремленія образуютъ нѣчто по природѣ активное, то можно обнаружить и доказать, что существуютъ психическія явленія, которыя (не будучи познавательными явленіями, представленіями, ощущеніями и т. д.) не подходятъ ни подъ категорію чувствъ, ни подъ категорію явленій воли, а требуютъ особаго мѣста въ научной классификаціи и особой теоріи.

Эти самостоятельные психическіе акты по природѣ своей двусторонни. Съ одной стороны, они состоятъ въ страдательномъ, пассивномъ переживаніи, въ „pati“, съ другой, въ позывѣ, въ активномъ стремленіи (agere, movere), и могутъ быть характеризованы какъ двигательныя (моторныя) раздраженія, или какъ импульсивныя возбужденія.

Такой именно двусторонній характеръ обнаруживаютъ, напримѣръ, явленія голода, жажды, полового возбужденія. Существо психическаго явленія, которое называется голодомъ, состоитъ въ

своеобразномъ пассивномъ претерпѣваніи и въ то же время въ активномъ стремленіи, въ „аппетитѣ“ (appetitus). Притомъ, своеобразнаго pati голода отнюдь нельзя смѣшивать съ „чувствомъ“, страданіемъ (неудовольствіемъ). Наблюдаемыя, при извѣстныхъ условіяхъ, вмѣстѣ съ голодомъ чувства страданія суть явленія сопутствующія, къ психологическому составу голода, какъ таковаго, вообще не относящіяся и имѣющія особыя причины патологическаго характера. Нормальный, умѣренный и здоровый голодъ сопровождается чаще чувствами удовольствія, чѣмъ страданія (сравни пожеланіе „хорошаго аппетита!“). Господствующая въ настоящее время теорія голода, согласно которой голодъ есть чувство страданія, заключаетъ въ себѣ два существенныхъ недоразумѣнія: 1) она отдѣляетъ апетитъ отъ голода, т. е. игнорируетъ активную сторону явленія; 2) она смѣшиваетъ испытываемое при голодѣ пассивное переживаніе, характерное для голода pati, отличное отъ чувства въ научно-техническомъ смыслѣ, съ явленіями, могущими сопутствовать голоду, но для послѣдняго не существенными.

Аналогична природа жажды. И здѣсь мы наблюдаемъ тоже пассивно-активное явленіе, только съ инымъ оттѣнкомъ пассивной стороны и съ другимъ направленіемъ стремленія — позыва (appetitus'a).

Точно также, существо явленія, которое мы назвали половымъ возбужденіемъ, никоимъ образомъ не исчерпывается специфическимъ стремленіемъ (ср. нѣмецкое „Geschlechts-trieb“), но и здѣсь имѣетъ мѣсто двусторонній пассивно-активный актъ. И здѣсь, точно также какъ и въ психическихъ явленіяхъ голода и жажды, мы, несомнѣнно, имѣемъ дѣло и съ пассивнымъ моментомъ, со своеобразнымъ pati.

То же путемъ самонаблюденія можно доказать относительно страха, отвращенія, омерзѣнія и безчисленнаго количества другихъ психическихъ актовъ, съ особыми именами въ обыденной рѣчи или безъ таковыхъ. Страху, отвращенію, омерзѣнію, точно также какъ и голоду, наряду съ пассивными моментами различныхъ от-

тѣнковъ, свойственны активные моменты позыва, разнообразныя импульсивныя, двигательныя тенденціи. Но послѣднія въ явленіяхъ страха, отвращенія, омерзѣнія не имѣютъ притягательнаго (аппульсивнаго, подталкивающаго) характера, какъ въ голодѣ, жаждѣ, половомъ возбужденіи; ихъ природа, такъ сказать, отталкивающа (репульсивна).

Двусторонніе психическіе акты вышеуказаннаго типа мы объединяемъ въ особый классъ и называемъ ихъ возбужденіями, побужденіями, или эмоціями. „Эмоціи“, въ нашемъ смыслѣ, нужно, стало быть, строго различать отъ „чувствъ“ въ техническомъ смыслѣ.

Эмоціи мы считаемъ истинными мотивами, двигателями нашего поведенія.

Согласно традиціоннымъ и господствующимъ воззрѣніямъ, мотивы человѣческихъ поступковъ *всегда* сводятся къ удовольствію или неудовольствію (Lust—Unlust), или къ представленіямъ будущихъ возможныхъ наслажденій или страданій: стремленіе къ наслажденію, къ счастію, избѣганіе страданій—таковъ общій законъ человѣческаго поведенія (гедонистическія теоріи).

По нашему убѣжденію дѣйствительные двигатели нашихъ поступковъ *никогда* не состоятъ въ указанныхъ (гедонистическихъ) факторахъ, они состоятъ въ эмоціяхъ въ условленномъ выше смыслѣ.

Что касается представленій удовольствія, какъ послѣдствія нашего поведенія, то эти представленія, даже когда они имѣются на лицо, вообще не играютъ роли въ процессѣ мотиваціи, если они (какъ это сплошь и рядамъ бываетъ) не приводятъ насъ въ эмоціональное движеніе, если мы остаемся по отношенію къ нимъ равнодушными, апатичными въ эмоціональномъ смыслѣ. Они могутъ даже дѣйствовать на насъ отталкивающимъ образомъ, т. е. могутъ вызывать моторныя раздраженія отталкивающаго типа (отвращеніе, омерзѣніе и т. п.) и, такимъ образомъ, влiять на наше поведеніе въ направленіи, прямо противоположномъ тому, какое, согласно гедонистическимъ теоріямъ, является всеобщимъ

закономъ (они могутъ косвенно обусловливать антигедонистическое поведеніе). И только въ тѣхъ случаяхъ, когда появляются притягательныя, аппульсивныя эмоціи, направленныя своей активной стороной на соотвѣтственное удовольствіе, имѣетъ мѣсто „стремленіе къ достиженію удовольствія“. Но и въ послѣднемъ (3-мъ) случаѣ двигателями поведенія являются не представленія гедонистическихъ цѣлей, какъ таковыя, а именно—притягательныя, аппульсивныя эмоціи.

То же можно mutatis mutandis сказать о представленіяхъ будущихъ страданій. Ихъ роль въ мотиваціонномъ процессѣ сводится къ нулю, если они не вызываютъ эмоцій; ими (посредственно) обусловливаются антигедонистическіе поступки, т. е. такіе поступки, которые прямо направлены на достиженіе страданія, если они вызываютъ притягательныя (аппульсивныя) эмоціи и т. д.

То же относится и къ настоящимъ удовольствіемъ, наличнымъ наслажденіямъ и страданіямъ. Роль переживаемаго въ данный моментъ удовольствія или неудовольствія можетъ равняться нулю въ мотиваціи нашего поведенія, если оно не вызываетъ ни притягательныхъ, ни отталкивающихъ эмоцій и т. д.

По сколько, все-таки, представленія будущаго наслажденія могутъ имѣть косвенное значеніе въ мотиваціонномъ процессѣ, вызывая притягательныя или отталкивающія эмоціи и становясь цѣлью нашихъ поступковъ, имъ, однако, вовсе не принадлежитъ монополіи играть роль такихъ цѣлевыхъ представленій. Вслѣдствіе рѣшающаго значенія эмоцій въ мотиваціонномъ процессѣ, всѣ возможныя представленія о послѣдствіяхъ нашего поведенія могутъ играть совершенно такую же роль въ мотиваціи и точно также могутъ стать цѣлевыми представленіями, какъ и представленія гедонистическаго содержанія. Сюда относятся прежде всего различныя представленія пользы и вреда (утилитарныя представленія, которыхъ нельзя смѣшивать съ гедонистическими); сюда же принадлежатъ различныя представленія чисто объективныхъ послѣдствій, напр., разныхъ техническихъ, научныхъ эффектовъ и т. п.

(безъ примѣси представленій удовольствія или пользы для насъ или для другихъ). Эти виды представленій тоже могутъ вызывать аппульсивныя или репульсивныя эмоціи, и такъ какъ они ихъ дѣйствительно сплошь и рядомъ вызываютъ, то и они могутъ опредѣлять наше поведеніе точно такъ же, какъ и представленія гедонистическія и утилитарныя.

Но и относительно всѣхъ вообще представленій послѣдствій нашихъ поступковъ можно замѣтить, что имъ не принадлежитъ монополіи вызывать притягательныя и отталкивающія эмоціи и такимъ образомъ опредѣлять наше поведеніе. Существуетъ много другихъ представленій, которыя дѣйствуютъ точно такимъ же образомъ, и кромѣ телеологической мотиваціи (мотиваціи съ цѣлевыми представленіями гедонистическаго, антигедонистическаго, утилитарнаго, антиутилитарнаго и иного содержанія), существуютъ другіе виды мотивацій, состоящихъ изъ представленій и эмоцій.

Здѣсь насъ интересуетъ преимущественно одинъ изъ видовъ этихъ комбинацій, а именно: та категорія мотивовъ поведенія, для которой характерна непосредственная связь между представленіями извѣстныхъ поступковъ и направленными на нихъ эмоціями.

Представленія извѣстныхъ поступковъ, напр., представленія „измѣны“, „лжи“, „обмана“, „ложнаго доноса“, „убійства“, „клеветы“, ассоціированы въ нашей психикѣ съ отталкивающими эмоціями. Если бы, напр., намъ предложили принять участіе въ обманѣ, сказать ложь (напр., за деньги) или т. п., мы пережили бы душевное состояніе, похожее на то, какъ если бы намъ предложили съѣсть гнилой кусокъ мяса, схватить паука или змѣю и т. п.; мы пережили бы въ нормальныхъ случаяхъ отталкивающія эмоціи, репульсивныя, отталкивающія моторныя раздраженія.

Представленія другихъ поступковъ и видовъ поведенія, напр., „милосердія“, „кротости“, „вѣрности“, „правдивости“ и т. п. ассоціированы въ нашей психикѣ съ эмоціями, дѣйствующими при-

тягательно, аппульсивно, подобно тѣмъ эмоціямъ, которыя вызываетъ въ насъ видъ чистаго и хорошаго напитка, вкуснаго блюда (при наличности жажды, голода).

Мотивацію, покоящуюся на такой непосредственной связи между представленіями тѣхъ или иныхъ поступковъ или видовъ поведенія и аппульсивными или репульсивными эмоціями, мы можемъ назвать принципіальной или самодовлѣющей мотиваціей, въ отличіе отъ цѣлевой, телеологической мотиваціи (гедонистическаго, утилитарнаго и другихъ видовъ). Сужденія и убѣжденія, въ основѣ коихъ лежатъ такія ассоціаціи представленій поступковъ и репульсивныхъ или аппульсивныхъ эмоцій, мы называемъ принципіальными практическими сужденіями и убѣжденіями; ихъ содержанія мы назовемъ принципіальными правилами поведенія (въ отличіе отъ оппортунистическихъ, утилитарныхъ, гедонистическихъ, „эпикурейскихъ“ и иныхъ правилъ цѣлесообразности) или, еще лучше, *принципами поведенія*.

II. О существѣ этической мотиваціи, этическихъ нормъ и обязанностей.

Есть нѣсколько сортовъ самодовлѣющей мотиваціи, принципіальныхъ сужденій и убѣжденій, принциповъ поведенія.

Напр., такъ наз., правила приличія (regulae decori) основываются на непосредственныхъ сочетаніяхъ представленій тѣхъ или иныхъ тѣлодвиженій или поступковъ и особаго рода эмоцій, которыя мы назовемъ эстетическими эмоціями. Чтобы ознакомиться съ характеромъ и (иногда непреодолимою) силою этихъ эмоцій, пусть читатель представитъ себѣ, по возможности живо, что онъ въ знакомомъ ему обществѣ произнесетъ громко нѣкоторыя считающіяся особенно „неприличными“ слова или высморкается въ скатерть или платье сосѣдки, явится въ общество безъ нѣкото-

рыхъ „невыразимыхъ“ принадлежностей одежды или только безъ галстуха, и т. п. Для истаго англичанина даже ѣсть рыбу ножомъ было бы недостижимымъ подвигомъ. Shoking! Иногда у нихъ даже въ случаѣ пари не хватаетъ силы воли, чтобы преодолѣть извѣстныя эстетическія, удерживающія отъ разныхъ „неприличій“, эмоціи, сдѣлать условленное и выиграть такимъ образомъ пари. Вѣсъ нѣсколькихъ сотъ фунтовъ стерлинговъ (сила соотвѣтственной аппетитивной эмоціи)+давленіе эмоціи тщеславія (соотвѣтственнаго стремленія доказать свое мужество, удивить другихъ, поставить на своемъ) могутъ иногда оказаться недостаточными, чтобы преодолѣть силу сопротивленія отталкивающей эстетической эмоціи, ассоціированной съ представленіемъ такихъ мелочей, какъ совершеніе извѣстныхъ, въ существѣ безвредныхъ, тѣлодвиженій, произнесеніе извѣстныхъ словечекъ въ дамскомъ обществѣ и т. п.

Если принять во вниманіе такіе психологическіе факты, то уже a priori весьма вѣроятно и естественно, что съ представленіями болѣе серьезныхъ „грѣховъ“, чѣмъ, напр., появленіе въ обществѣ безъ галстуха, напр., съ представленіемъ братоубійства или просто убійства, грабежа, мошенничества, подлога, ложнаго доноса и т. п. тоже бываютъ у людей связаны такія репульсивныя, отталкивающія эмоціи, которыя (совершенно независимо отъ какихъ бы то ни было гедонистическихъ, утилитарныхъ и иныхъ соображеній цѣлесообразности) являются болѣе или менѣе серьезнымъ, а иногда совершенно непреодолимымъ психическимъ препятствіемъ для совершенія соотвѣтствующихъ дѣйствій. Если психологи, философы, моралисты, юристы и т. п. полагаютъ, что нѣтъ поступка безъ гедонистическихъ или утилитарныхъ мотивовъ, то это несомнѣнное и весьма существенное заблужденіе.

Какъ я уже сказалъ, есть нѣсколько сортовъ принципіальной мотиваціи. Насъ интересуетъ здѣсь спеціально одинъ изъ видовъ этой мотиваціи, а именно—тотъ, въ которомъ имѣется на лицо сочетаніе представленій такихъ или иныхъ поступковъ съ весьма

своеобразными и заслуживающими серьезнѣйшаго вниманія эмоціями, которыя мы назовемъ этическими эмоціями, или эмоціями долга и которыя отличаются слѣдующими характерными особенностями.

1. Соотвѣтствующія моторныя возбужденія и понуканія имѣютъ особый мистическо-авторитетный характеръ; они противостоятъ и оказываютъ сопротивленіе другимъ нашимъ эмоціональнымъ движеніямъ, аппетитамъ, стремленіямъ, вожделѣніямъ, какъ импульсы съ высшимъ ореоломъ и авторитетомъ, исходящіе, какъ бы, изъ невѣдомаго, отличнаго отъ нашего обыденнаго *я*, таинственнаго источника (мистическая, не чуждая оттѣнка боязни окраска). Человѣческая рѣчь, поэзія, миѳологіи, религіи, метафизическія философскія системы... отражаютъ, перетолковываютъ и переводятъ эти характерныя свойства этическихъ эмоцій на языкъ представленій въ томъ направленіи и смыслѣ, что наряду съ нашимъ „*я*" имѣется въ такихъ случаяхъ на лицо еще другое существо; какой-то голосъ обращается къ намъ, говоритъ намъ (со-вѣсть, con-scientia, Ge-wissen, голосъ совѣсти, слушаться, бояться совѣсти и т. п. „демонъ" Сократа—метафизическое „*я*" Канта); этотъ говорящій нашему „*я*" голосъ представляется исходящимъ отъ высшаго существа; религіозная психика народовъ приписываетъ этотъ голосъ богамъ, монотеистическія религіи Богу, метафизическая философія создаетъ ему метафизическія олицетворенія („природа", „разумъ", „воля", какъ метафизическія существа, „объективный духъ" и т. д. и т. д.); позитивистическая и скептическая психика тѣхъ, которые хотятъ оставаться чуждыми всякому мистицизму, создаетъ все же для него мистическія олицетворенія: „народный духъ", „общая воля" нѣкоторыхъ современныхъ юристовъ и моралистовъ, „инстинктъ рода" и т. п., причемъ „родъ", „общая воля" представляются чѣмъ-то, надѣленнымъ высшимъ авторитетомъ и стоящимъ надъ индивидомъ и надъ индивидуальной волей, и т. д.

2. Характерно далѣе для интересующаго насъ спеціальнаго вида эмоцій то ихъ свойство, что онѣ переживаются какъ внут-

ренняя помѣха свободѣ, какъ своеобразное препятствіе для свободнаго облюбованія, выбора и слѣдованія нашимъ склонностямъ, желаніямъ, цѣлямъ и какъ твердое и неуклонное давленіе въ сторону того поведенія, съ представленіемъ о которомъ соединяются соотвѣтствующія эмоціи. Эта характерная особенность этическихъ эмоцій въ обыденной рѣчи, поэзіи, миѳологіяхъ, религіяхъ, философіяхъ, словомъ при переводѣ на языкъ представленій, получаетъ такой обликъ, что внутренній голосъ, или высшее существо, которое говоритъ намъ, обращается къ намъ не съ *совѣтами*, просьбами и т. п., а съ *приказаніями*, „категорическими“ предписаніями. Не только въ обыденной рѣчи, но и въ философіи, въ наукѣ о правѣ и о морали всегда говорятъ о „запретахъ“ и „предписаніяхъ“; „воля“, которая сюда привносится путемъ разныхъ фикцій, представляется въ качествѣ предписывающей, приказывающей воли; метафизическое *„я“* („умопостигаемый характеръ“ въ философіи Канта) обращается къ нашему эмпирическому *„я“* съ „категорическимъ императивомъ“ и т. д. Тѣхъ, къ кому, въ нашемъ представленіи, обращаются такого рода высшія предписанія, мы представляемъ себѣ находящимися въ особомъ состояніи „связанности“. Отсюда слова, выражающія это состояніе „связанности“: „мы обязаны“ (обвязаны), „обязанность“, „обязательство“, „obligare“, „obligatio“, „Verbindlichkeit“. Противоположный образъ дѣйствія представляется намъ какъ нарушеніе, разрывъ связи, или переступленіе преграды и т. п., отсюда „преступленіе“, „нарушеніе долга“ (Pflichtverletzung) и т. д.

Приведенныя образныя выраженія, народныя воззрѣнія и философскія конструкціи не содержатъ научнаго анализа и теоріи интересующихъ насъ психическихъ явленій, но они весьма поучительны и характерны, какъ эхо и отраженіе своеобразной природы эмоцій долга, которыя оказываютъ особаго рода давленіе не только на поведеніе, но и на фантазію, на міръ представленій и ихъ образованія и сочетанія.

Принципіальную мотивацію, покоящуюся на сочетаніи обра-

зовъ поведенія съ охарактеризованными выше репульсивными или аппульсивными эмоціями, мы назовемъ этической, или авторитетно-императивной мотиваціей, а соотвѣтственные принципы поведенія— этическими принципами, или нормами.

Поскольку въ основаніи этическихъ актовъ сознанія лежатъ болѣе или менѣе твердыя и устойчивыя ассоціаціи представленій поведенія съ репульсивными и аппульсивными этическими эмоціями, въ нашей психикѣ при появленіи соотвѣтствующихъ представленій поведенія обыкновенно пробуждаются и начинаютъ дѣйствовать и соотвѣтствующія эмоціи. Напримѣръ, когда мы представляемъ себѣ картину убійства, измѣны или т. п., то тотчасъ же возникаютъ ассоціированныя съ нею авторитетно-репульсивныя эмоціональныя возбужденія. Этотъ психическій фактъ имѣетъ великое значеніе для человѣческаго поведенія (которое имѣетъ такимъ образомъ многочисленныхъ авторитетныхъ стражей, тотчасъ же выступающихъ на сцену, когда въ нихъ появляется необходимость) и объясняетъ много другихъ интересныхъ явленій этики.

Здѣсь отмѣтимъ лишь слѣдующее:

1. Такъ какъ съ извѣстными представленіями поведенія ассоціированы авторитетныя побужденія и съ появленіемъ въ сознаніи первыхъ появляются въ сознаніи и дѣйствуютъ также и послѣднія, то мы приписываемъ себѣ соотвѣтствующія обязанности не только по отношенію къ настоящему времени, но и относительно прошлаго и будущаго времени. Такъ какъ, напр., представленія „лжи“, „обмана“ и т. п. и тогда вызываютъ ассоціированныя съ ними авторитетно-репульсивныя, отталкивающія эмоціи, когда мы относимъ эти представленія къ болѣе или менѣе отдаленному будущему или прошлому, напр., если они всплываютъ какъ воспоминанія о поступкахъ, совершенныхъ нами въ прошломъ, то соотвѣтственную обязанность и предосудительность ея нарушенія мы относимъ, проектируемъ и на то время. Этимъ, между прочимъ, объясняются, такъ называемыя, угрызенія совѣсти (отъ Эринній нельзя укрыться, онѣ безжалостно преслѣдуютъ и мучатъ преступника, куда бы онъ ни пытался бѣжать).

2. Точно также и по тѣмъ же основаніямъ мы проектируемъ обязанности не только на наше „*я*“ (въ настоящемъ, прошломъ, будущемъ), но и на другія представляемыя существа настоящаго, прошлаго, будущаго; мы разсматриваемъ нѣкоторые ихъ поступки, какъ исполненіе или нарушеніе долга.

Свѣтъ возвышеннаго авторитета эмоцій долга распространяется въ психикѣ переживающаго этическіе акты такъ далеко, какъ это опредѣляется содержаніемъ соотвѣтствующаго эмоціонально-интеллектуальнаго сочетанія, и, если данныя эмоціонально-интеллектуальныя ассоціаціи состоятъ въ сочетаніи только общаго представленія извѣстнаго поведенія, напр., обмана, убійства, съ этическою эмоціей, то тогда обманъ, убійство, какъ таковые, представляются недопустимыми, запрещенными, не только теперь, но и въ неограниченномъ прошломъ и будущемъ („вѣчно“), не только здѣсь, но повсюду, напр., и въ Гадесѣ и въ царствѣ олимпійскихъ боговъ, не только для нашего „*я*“, но и для всякаго, кто бы онъ ни былъ, не исключая даже, можетъ быть, Зевса, Іеговы и т. д.

Въ этомъ заключается источникъ и психологическое объясненіе распространенной повсемѣстно у народовъ вѣры въ объективное, вѣчное и всеобщее значеніе соотвѣтствующихъ „законовъ“, вѣры въ настолько всеобщее и абсолютное значеніе и господство, что и боги подчинены этимъ законамъ. Соотвѣтствующія воззрѣнія имѣютъ также своихъ представителей въ различныхъ метафизическихъ системахъ, въ философіяхъ морали и права и получаютъ здѣсь разнообразныя формы и обоснованія.

Впослѣдствіи, наряду съ представленіями поведенія различнаго содержанія, какъ существенными, минимальными интеллектуальными элементами сознанія долга (такія представленія мы будемъ называть представленіями объектовъ долженствованія)— мы познакомимся еще съ иными видами представленій, которыя, въ качествѣ ассоціативныхъ добавленій, въ качествѣ дальнѣйшихъ членовъ ассоціаціи могутъ принадлежать къ составу этическаго сознанія и ограничивать содержаніе послѣдняго (и вмѣстѣ

съ тѣмъ сферу дѣйствія и обязательности соотвѣтствующаго „закона“).

Сюда относятся, напримѣръ, представленія субъектовъ долга, т. е. представленія людей или людей только опредѣленныхъ классовъ (напр., подданныхъ, королей, родителей, дѣтей, женъ, воиновъ, жрецовъ и т. п.) или другихъ существъ (духовъ, боговъ, государствъ, общинъ), которыя служатъ субъектами (подлежащими) къ предикату (сказуемому) долженствованія („*дѣти* обязаны повиноваться родителямъ“ и т. п.). Далѣе, сюда принадлежатъ представленія условій, гипотезъ, т. е. представленія различныхъ обстоятельствъ, обусловливающихъ наличность обязанности („*когда творишь милостыню*, не труби передъ собою и т. д.; *если кто ударитъ тебя въ правую щеку твою*, обрати и т. д.); мы называемъ такія обстоятельства этически-релевантными фактами (сюда, между прочимъ, относятся опредѣленія мѣста и времени, напримѣръ, *если ты находишься въ храмѣ*, то ты долженъ... Въ день священной субботы слѣдуетъ...)

Сюда далѣе относятся представленія такихъ фактовъ, напр., велѣнія, исходящаго отъ Бога, монарха и т. д., обычая отцовъ, mores majorum, которые опредѣляютъ содержаніе и обусловливаютъ дѣйствительность, обязательность соотвѣтствующихъ „законовъ“ (напр., „мы обязаны дѣлать то-то и то-то, потому что такъ приказалъ Богъ, потому что такъ сказано въ Евангеліи, въ Талмудѣ, Коранѣ, Corpus juris, потому что такъ поступали наши отцы, потому что такъ сказала мама, потому что такъ рѣшилъ оракулъ“ и т. д. и т. д.). Такія составныя части интересующихъ насъ интеллектуально-эмоціональныхъ образованій (ассоціацій представленій и эмоцій долга) мы будемъ называть представленіями „нормоустановительныхъ“ или „нормативныхъ“ фактовъ. Этическія убѣжденія, къ ассоціативной связи которыхъ принадлежатъ такія представленія, назовемъ позитивными этическими убѣжденіями. Содержаніе такихъ убѣжденій—позитивныя нормы. Этическія убѣжденія безъ такихъ добавочныхъ предста-

вленій чужихъ велѣній и другихъ нормативныхъ фактовъ мы будемъ называть интуитивными, или автономными этическими убѣжденіями; соотвѣтствующія нормы—интуитивными, или автономными нормами.

Вышеназванныя категоріи элементовъ этическихъ эмоціональноинтеллектуальныхъ ассоціацій, въ особенности же представленія нормативныхъ фактовъ, могутъ чрезвычайно ограничивать область дѣйствія соотвѣтствующихъ нормъ (въ психикѣ переживающаго таковыя), напр., ограничить ее подданными такого-то монарха, жителями такой-то деревни, дѣтской комнаты и т. п.

Изъ изложенной теоріи слѣдуетъ, что обязанности, которыя мы приписываемъ разнымъ (представляемымъ) существамъ человѣческаго или не человѣческаго рода (настоящаго, будущаго или прошедшаго времени) вовсе не являются чѣмъ-то, находящимся надъ, внутри или при тѣхъ существахъ, которымъ мы приписываемъ обязанности; для констатированія долга, обязанности, не нужно также, чтобы субъектъ долга (обязанный) „былъ надѣленъ разумомъ и волей“, чтобы онъ эту обязанность „зналъ“, „признавалъ“ и т. п.; не нужно даже, чтобы субъекту долга соотвѣтствовало во внѣшнемъ мірѣ какое либо реальное живое существо [1]). Ибо обязанности, какъ вытекаетъ изъ предыдущаго, суть не что иное, какъ идеальныя проекціи, происходящія въ нашей психикѣ (т. е. въ психикѣ приписывающаго какому-либо человѣку, государству, казнѣ, духу и т. п. тѣ или иныя обязанности); таковымъ проекціямъ соотвѣтствуютъ указанныя выше эмоціи и представленія, а не какія либо вещи или явленія гдѣ-то во внѣшнемъ мірѣ, напр., тамъ, гдѣ находится казна или иной субъектъ, которому мы приписываемъ обязанность, напр., уплатить поставщику извѣстную сумму денегъ или исполнить что-либо иное.

---

[1]) Ср. мои «Очерки философіи права». СПБ. 1900, стр. 21—23.

III. Право и нравственность.

Между тѣмъ какъ въ области нравственности рѣчь идетъ обыкновенно только о субъектахъ долга и ихъ обязанностяхъ, въ области права на каждомъ шагу говорится объ управомоченныхъ, разсуждается о противостоящихъ обязанностямъ „правахъ", „притязаніяхъ" управомоченныхъ. Юриспруденціи до сихъ поръ не удалось удовлетворительно разрѣшить вопроса о существѣ правъ. Одни видятъ существо правъ въ волѣ управомоченныхъ, другіе въ ихъ интересахъ, пользующихся защитой государства; были предложены различныя видоизмѣненія и расходящіяся между собой модификаціи теоріи воли и теоріи интересовъ, сдѣланы также и различныя иныя попытки опредѣлить существо правъ, но, во всякомъ случаѣ, мы имѣемъ дѣло лишь съ многочисленными контроверзами, а не съ твердо установленными и признанными положеніями. Одна изъ основныхъ ошибокъ соотвѣтствующихъ теорій состоитъ въ томъ, что онѣ не заботятся о созданіи научнаго понятія обязанности и пытаются опредѣлить существо правъ независимо отъ существа обязанностей.

Въ другомъ мѣстѣ [1]) я старался путемъ психологическаго изученія вопроса показать, что наши права состоятъ (не въ нашей волѣ или интересѣ, а) въ особаго рода обязанностяхъ, долгахъ другихъ лицъ по отношенію къ намъ, а именно: въ такихъ долгахъ другихъ по отношенію къ намъ, которые закрѣплены за нами, какъ нѣчто намъ принадлежащее, по которымъ то, къ чему обязаны другіе, намъ отъ нихъ слѣдуетъ, причитается (напр., какъ заработанное нами, выигранное, условленное по договору и т. п.).

По произведенному мною затѣмъ филологическому изслѣдованію оказалось, что языки разныхъ народовъ вполнѣ подтверждаютъ эту мысль. На ряду со словами, соотвѣтствующими нашимъ со-

---

[1]) «Очерки философіи права», вып. I.

временнымъ выраженіямъ: „право“, „правопритязаніе“, „притязаніе“, „требованіе“ или вмѣсто этихъ выраженій, народная рѣчь пользуется, какъ равнозначащими оборотами, указаніемъ на активную принадлежность данному субъекту долга, обязательства другого лица. Между прочимъ такое словоупотребленіе встрѣчается и въ русскомъ Сводѣ законовъ. Напр., въ ст. 402 I ч. X т. читаемъ:

„Обязательства всякаго рода принадлежатъ къ имуществамъ движимымъ“ (имѣются въ виду обязательства, имѣющія денежную цѣнность).

Въ ст. 418 тамъ же говорится:

„Имущества долговыя суть всѣ имущества, въ долгахъ на другихъ лицахъ состоящія“.

Въ древнихъ памятникахъ русскаго права такая терминологія встрѣчается на каждомъ шагу. Напр., ст. 67 Псковской судной грамоты гласитъ (цит. по хрест. проф. Буданова):

„А истецъ, пріѣхавъ съ приставомъ, а возметъ что за свой долгъ силою“...

Современному выраженію „осуществлять (судебнымъ порядкомъ) свои права, требованія“ въ древне-русской юридической рѣчи соотвѣтствуетъ терминъ „сочити долгу“ (напр. ст. 36 Псковск. суд. гр.: „А на которомъ человѣкѣ имуть сочити долгу“...); въ завѣщаніяхъ поручается наслѣднику: „долгъ собрати, долгъ заплатити“, т. е. осуществить права требованія наслѣдодателя въ свою пользу и уплатить его долги, и т. п.

То же повторяется въ другихъ славянскихъ языкахъ. Въ польскомъ языкѣ обычны, напр., выраженія: wymagać (требовать) zapłaty swego długu, swego długu dochodzić (сочити своего долгу) и т. п., въ чешскомъ языкѣ: dluhy upomjnati, mnoho penez mjti na dluhu (имѣть много денегъ въ долгахъ на другихъ лицахъ) и т. п. Этою же терминологіею объясняется старосербское выраженіе „цареве дл'гове“ въ смыслѣ преступленій (какъ актовъ, создающихъ для царя штрафныя права) и т. д.

Сообразно съ этимъ, выраженію управомоченный, вѣритель соотвѣтствуютъ въ славянскихъ языкахъ выраженія: dłużnik (по

польски) [1]), dlužnjk (по чешски) [2]), дужник (по сербски) [3]) и т. д.; есть свидѣтельства въ пользу того, что и въ древне-русскомъ языкѣ слово должникъ примѣнялось и въ смыслѣ управомоченнаго, хозяина долга. Именно такой смыслъ имѣетъ это слово въ Русской правдѣ. Въ статьѣ 69 (Кар. сп.) пріобрѣвшіе раньше свои права называются „первіи должници". Такое же словоупотребленіе нашелъ я и въ памятникѣ сравнительно поздняго времени, въ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича, гл. X, 204.

Такая же терминологія господствуетъ въ древнихъ памятникахъ германскаго права. Въ древнихъ нѣмецкихъ памятникахъ управомоченность означается путемъ указанія на обладаніе долгомъ, а управомоченный называется господиномъ долга (schuldherr) [4]). Въ шведскихъ памятникахъ слово skuld (skyld) означаетъ и долги, обязанности, и (при указаніи на активную принадлежность) права, въ томъ числѣ права т. н. публичнаго права; поэтому, напр., хозяиномъ долга skyldugher называется король по отношенію къ его публичнымъ правамъ, приходскій священникъ по отношенію къ прихожанамъ и т. п. [5]). Такой же смыслъ имѣютъ выраженія: skúld, skylda, skyldr, skyldugr въ норвежскихъ и исландскихъ юридическихъ памятникахъ [6]).

Въ греко-римской вѣтви языковъ повторяется то же. По гречески χρέος означаетъ и пассивный, и активный долгъ, т. е. право; χρήστης—и обязанный, и управомоченный по долгу [7]). По латыни obligatio (об[в]язанность) означаетъ и долгъ, и соотвѣтственное право, напр., въ выраженіяхъ obligationes acquirere (пріобрѣтать права требованія), amittere (терять), cedere (уступать) и т. п.

---

[1]) Ср. Linde, słównik języka polskiego, слово dłužnik.
[2]) Ср. Jungmann, slownik česko-némecky, сл. dlužnjk.
[3]) Вук, Српски Рјечник, сл. дужник.
[4]) Ср. Grimm, Deutsches Wörterbuch, слово schuldherr.
[5]) Ср. Amira, Nordgermanisches Obligationenrecht. B. I. Стр. 32 и сл.
[6]) Amira, II, стр. 65 и сл.
[7]) Ср. мѣста, приведенныя у Stephanus, Thesaurus Graecae linguae; Passow, Handwörterbuch der griechischen Sprache, соотв. слова, и др.

То же относится къ французскимъ выраженіямъ dette, obligation [1]). Для обозначенія, имѣется ли въ виду долгъ въ смыслѣ обремененія или въ смыслѣ активной его принадлежности, въ смыслѣ права, употребляются иногда по французски выраженія: пассивные — активные долги (dettes passives — dettes actives), напр., Code. Art. 533 (Le mot meuble, employé seul... ne comprend pas... les dettes actives).

Не иначе относится къ интересующему насъ вопросу итальянскій языкъ [2]), испанскій (obligacion, deuda activa), португальскій (divida activa, livro de dividas activas e passivas) [3]).

Семитическіе языки свидѣтельствуютъ о такомъ-же пониманіи существа права со стороны народной психики. Напр., древнееврейскій языкъ знаетъ выраженіе baal chow (господинъ, хозяинъ долга, управомоченный). Слово Thwia означаетъ и обязанность, и право [4]).

По-арабски денежный долгъ dejn. То же слово при указаніи на активную принадлежность означаетъ соотвѣтственное право, lahu dejn — при немъ долгъ, его право требованія. Другія юр. обязанности (въ томъ числѣ публичнаго права) — haqq, plur. huquq; тѣ же выраженія въ связи съ li (или la=при, у) означаютъ соотв. права. Sahib haqq = господинъ, хозяинъ долга, управомоченный (въ сферѣ частнаго и публичнаго права) [5]).

По сообщеніямъ любезныхъ коллегъ и учениковъ оказалось, что тѣ же лингвистическія явленія повторяются и въ языкахъ монгольской расы, напр., въ китайскомъ, корейскомъ языкѣ (по

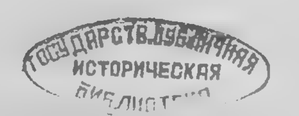
[1]) Ср. напр. Code civil, Art. 529 (Sont meubles... les obligations), Art. 533, 536, 1409, 1567, 2083, 1197 и др.

[2]) Ср. напр. выраженія: „richiesta d'un debito“ (ср. „сочити долгу“), debito fogno (сомнительное право требованія), aver molti debiti attivi (имѣть много активныхъ долговъ); Codice civile, Art. 418 (Sono mobili... le obligazioni (движимое имущество составляютъ... обязательства) и т. п.

[3]) Ср. также англійскіе термины: debts active and passive и т. п.

[4]) Ср. Auerbach, Das jüdische Obligationenrecht, B. I, S. 163 fg.

[5]) Эти свѣдѣнія любезно сообщили мнѣ уважаемые коллеги, г. прив.-доц. С.-Пет. Ун. А. Шмидтъ и лекторъ арабскаго языка г. Ф. Сарруфъ.

корейски обремененный долгомъ tzaj-in (человѣкъ долга), управомоченный tzaj-tschu (господинъ долга) и т. д. [1]).

Отъ такихъ обязанностей, обязательствъ, долговъ другихъ лицъ, которые закрѣплены за нами, какъ наши права, притязанія, по которымъ то, къ чему обязанъ одинъ, причитается другому, какъ нѣчто ему должное, — слѣдуетъ строго отличать иного рода обязанности, такія обязанности (напр., быть совершеннымъ, добродѣтельнымъ, воздавать добромъ за зло и т. п.), которыя по отношенію къ другимъ свободны, ихъ притязаній не составляютъ, по которымъ то, къ чему мы обязаны, не сознается какъ нѣчто причитающееся другому.

Нелѣпо, напр., было бы толковать евангельскія заповѣди:

„А Я говорю вамъ: не противься злому. Но кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую;

И кто захочетъ судиться съ тобою, и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду“, и т. п.—

въ томъ смыслѣ, что нанесшій оскорбленіе пріобрѣтаетъ этимъ притязаніе на подставленіе второй щеки, что отнявшему рубашку причитается, такъ сказать, въ награду за это, еще и верхнее платье обижаемаго, и т. д.

Менѣе нелѣпо было бы понимать такія обязанности, какъ, напр., обазанность быть кроткимъ, цѣломудреннымъ, трудолюбивымъ, воздержаннымъ, „совершеннымъ“ („Итакъ будьте совершенны, какъ совершененъ Отецъ вашъ Небесный“) — въ томъ смыслѣ, что другіе могутъ притязать на то, чтобы нашъ характеръ и наше поведеніе соотвѣтствовали такимъ идеаламъ, что христіане или люди вообще могутъ между собой притязать на

---

[1]) Въ нѣмецкомъ изданіи: Philosophie der Moral und des Rechts будутъ приведены подробныя иллюстраціи и доказательства въ пользу положеній текста изъ области различныхъ юридическихъ памятниковъ, а равно и другія доказательства лингвистическаго и иного свойства (изъ области юридической символики, обрядовъ, формъ) въ пользу того, что психика народовъ видитъ въ правахъ не что иное, какъ закрѣпленные за нами какъ наше добро, долги другихъ.

соблюденіе этихъ и т. под. христіанскихъ или общечеловѣческихъ обязанностей. Тѣмъ не менѣе (независимо отъ печальныхъ послѣдствій, которыя бы получились въ результатѣ распространенія такой психики, отъ невозможности соціальнаго мира на почвѣ такой этики и т. п.) слѣдуетъ помнить, что люди, проникшіеся духомъ ученія Евангелія, какъ первобытные, такъ и современные христіане отъ такого ненормальнаго пониманія упомянутыхъ обязанностей уже потому вообще были и пребываютъ свободны, что имъ извѣстны и понятны и такія, напр., положенія, какъ „И что ты смотришь на сучекъ въ глазѣ брата твоего...“ и т. д.

При нѣкоторомъ умѣніи наблюдать (вспоминать и т. п.) и анализировать собственныя душевныя явленія не трудно убѣдиться, что въ составѣ нашей психики можно найти вообще не мало примѣровъ и случаевъ такого сознанія долженствованія, когда мы считаемъ себя обязанными дѣлать что-либо или не дѣлать чего-либо, но не въ томъ смыслѣ, что это необходимо для доставленія удовлетворенія чьему-либо основательному притязанію; точно также многія приписываеыя нами другимъ обязанности мы разсматриваемъ, какъ дѣло ихъ доброй воли и совѣсти, какъ такое дѣло, по поводу котораго всякія притязанія и требованія представляются намъ неумѣстными.

Лишь въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ, напр., когда дѣло идетъ объ уплатѣ прислугѣ заработаннаго жалованья, условленной наемной платы за квартиру при наступленіи срока, условленной при покупкѣ цѣны за взятый въ лавкѣ товаръ и т. п., мы переживаемъ сознаніе активной принадлежности долга другому; наше исполненіе представляется доставленіемъ другому того, что ему слѣдуетъ, причитается отъ насъ; неисполненіе представляется какъ лишеніе другого того, что ему причитается отъ насъ; точно также, приписывая другимъ обязанности руководствоваться тѣми или иными принципами, мы лишь въ нѣкоторыхъ, особыхъ случаяхъ выводимъ изъ такихъ принциповъ притязанія для себя или третьихъ лицъ; въ прочихъ же случаяхъ мы этого не дѣлаемъ, а въ случаѣ приписанія себѣ подобныхъ притязаній со стороны дру-

гихъ лицъ насъ это шокируетъ, какъ неумѣстное посягательство на свободу чужой совѣсти и т. п.

Обязанности, несвободныя въ указанномъ выше смыслѣ по отношенію къ другимъ, долги, закрѣпленные за другими, изображаются нерѣдко въ народныхъ обрядахъ символически путемъ изображенія физической связанности одного и держанія со стороны другого; одинъ об[в]язанъ, а другой является активнымъ держателемъ; напр., символъ связыванія рукъ обязывающагося (Handaband сѣверо-германскихъ памятниковъ), но точно также обрядъ подачи руки, какъ символъ закрѣпленія за другимъ устанавливаемаго долга (отсюда символъ рукобитія, выраженія „поручительство“, „биться [по рукамъ] объ закладъ“), символъ держанія за платье принимающаго на себя обязательство по договору и т. п.—имѣютъ то значеніе, что ими наглядно и физически изображается идеальная пассивно-активная связь, долгъ, обременяющій одного, принадлежащій другому. Такой же смыслъ имѣетъ, напр., выраженіе „суплетка“ въ древне-русскомъ юридическомъ языкѣ (ср. Псковск. с. гр. ст. 103: „А которому съ кимъ суплетка была записью или закладомъ, і потомъ тотъ человѣкъ, который въ записи былъ, іли закладъ закладывалъ кому, да оучнетъ на томъ же чего искать, ссудья или зблюденья...“), выраженія juris vinculum, juris nexus, colligare, contrahere, teneri (= суплеткѣ Псковской с. гр.) памятниковъ римскаго права и т. п. Мы будемъ называть соотвѣтственные долги правовою связью или правоотношеніями. Тѣ же „суплетки“, правоотношенія, поскольку дѣло идетъ объ активной ихъ сторонѣ, о положеніи хозяина долга, мы называемъ правопритязаніями, правами. Тѣ же суплетки, правоотношенія, разсматриваемыя съ точки зрѣнія об[в]язаннаго, обремененнаго мы будемъ называть правовыми обязанностями.

Обязанности по отношенію къ другимъ свободныя мы называемъ нравственными, безпритязательными обязанностями. Выраженія и понятія въ родѣ „суплетка“, „притязаніе“ въ сферѣ этихъ обязанностей отсутствуютъ, не имѣютъ приложенія.

Въ наукѣ права мы нуждаемся наряду съ понятіемъ „обязанности“ еще въ понятіяхъ „правоотношенія“ и „права“ (требованія, притязанія и т. п.). Наука морали въ нашемъ смыслѣ не нуждается въ такихъ понятіяхъ и выраженіяхъ: правовая психика—притязательная психика; нравственная психика—безпритязательная психика.

Сообразно съ изложеннымъ слѣдуетъ различать два сорта „императивовъ“, нормъ, этическихъ принциповъ (въ изложенномъ выше, стр. 6, смыслѣ).

Существо однѣхъ нормъ (напр., о кротости, смиреніи, воздаяніи добромъ за зло, о любовномъ отношеніи къ врагамъ) состоитъ исключительно въ авторитетномъ указаніи должнаго поведенія.

Существо же другихъ нормъ состоитъ въ двухъ функціяхъ: съ одной стороны онѣ авторитетно указываютъ должное поведеніе, съ другой стороны онѣ авторитетно отдаютъ другому, приписываютъ какъ ему должное то, чего онѣ требуютъ отъ насъ.

Если первый разрядъ нормъ можно назвать „императивами“, то сущность и значеніе нормъ второго разряда этимъ не будетъ достаточно характеризована, ибо ихъ сущность не состоитъ только въ imperare, а въ imperare+attribuere (предоставленіи); эти нормы, въ pendant къ выраженію „императивъ“, можно опредѣлить, какъ императивно-аттрибутивныя (обязательно-притязательныя) нормы.

Между тѣмъ какъ нормы императивныя имѣютъ односторонній характеръ: авторитетно налагаютъ бремя на одно лицо, ничѣмъ не надѣляя другихъ,—аттрибутивныя нормы имѣютъ двусторонній характеръ, испускаютъ, такъ сказать, два луча, дѣйствуютъ двумя рукавами, одновременно налагая минусъ на одного и снабжая соотвѣтствѣннымъ плюсомъ другого. Первыя нормируютъ только положеніе обязаннаго, вторыя же одновременно нормируютъ положеніе двухъ лицъ. Для одного онѣ представляютъ авторитетное опредѣленіе и мѣру, показывающую, къ чему онъ обязанъ, что онъ долженъ; для другого же онѣ представляютъ авторитетную мѣру, норму того, что ему должны другіе,

что ему причитается, слѣдуетъ отъ другихъ; отчисляемое, вычитаемое отъ одного причитается, дается аттрибутивною нормою другому.

Аттрибутивныя, обязательно-притязательныя нормы мы называемъ нормами права, правовыми, юридическими нормами.

Чисто императивныя, безпритязательныя нормы суть нравственныя нормы, „законы" морали.

Особенно наглядныя внѣшнія выраженія двойственной императивно-аттрибутивной природы нормъ права представляютъ такія изреченія юридическихъ памятниковъ, которыя одну юридическую норму выражаютъ путемъ двухъ сужденій, одного императивнаго, указывающаго на обязанность, и одного аттрибутивнаго, указывающаго на предоставленіе, на притязаніе. Напр., статья 574 гражд. законовъ гласитъ:

„Какъ по общему закону никто не можетъ быть безъ суда лишенъ правъ, ему принадлежащихъ, то всякій ущербъ въ имуществѣ и причиненные кому-либо вредъ или убытки *съ одной стороны налагаютъ обязанность доставлять* (императивная функція), а *съ другой производятъ право требовать вознагражденіе*" (аттрибутивная функція).

Ст. 74 Псковской судн. грам. гласитъ:

„А на коемъ сребро имати (активный денежный долгъ на другомъ), и тотъ человѣкъ до зароку (до срока) оучнетъ сребро отдавати кому виноватъ, ино *гостинца дать* (слѣдуетъ все-таки уплатить полностью условленные проценты—императ.), *по счету ему взять*" (аттриб.).

Обыкновенно, впрочемъ, въ юридическихъ памятникахъ преобладаетъ сокращенная форма выраженія юридическихъ нормъ; однѣ статьи имѣютъ односторонне аттрибутивную редакцію (указывается на право, подразумѣвается соотвѣтственная обязанность другой стороны), другія—односторонне императивную (указывается обязанность и ея предметъ, подразумѣвается соотвѣтственное право другого субъекта). Встрѣчается еще и четвертая, обоюдно-сокращенная, лаконическая форма, при которой указывается на тотъ эффектъ, который дол-

женъ быть вызванъ въ такомъ-то случаѣ (подразумѣвается, что одна сторона обязана объ этомъ позаботиться, другая имѣетъ притязаніе на то). Напр., ст. 4, 5 и 6 договора Смоленскаго князя Мстислава съ Ригою, Готландомъ и Нѣмецкими городами 1229 г. гласитъ (цит. по Буданову):

4. Кто биеть дроуга деревъмь, а боудѣте синь, любо кровавъ, полуторы гривны серебра платити ему (имп.).

5. По оухоу оударите, 3 четвѣрти серебра (обоюдо-сокращенная, лаконическая форма).

6. Послоу и попоу что оучинять, за двое того оузяти, два платежя (аттрибутивная редакція).

IV. Нравственныя и правовыя эмоціи.

Установленное выше видовое различіе между чисто императивными (нравственными) и императивно-аттрибутивными (правовыми) нормами и обязанностями покоится на соотвѣтственныхъ видовыхъ различіяхъ тѣхъ эмоціонально-интеллектуальныхъ сочетаній, которыя, какъ было показано выше, лежатъ въ основѣ этическихъ явленій, этическаго долженствованія, обязанностей и нормъ вообще.

Сознаніе нравственнаго долженствованія (нравственное сознаніе) и сознаніе правового долженствованія одного - права другого (правосознаніе)—это такія психическія явленія, которыя по составу своему (по составнымъ интеллектуальнымъ и эмоціональнымъ элементамъ) имѣютъ между собою много общаго (общія родовыя качества, ср. выше разд. II), но и существенныя видовыя различія.

Къ интеллектуальному составу императивно-аттрибутивнаго этическаго сознанія, правосознанія, относятся, сверхъ представленій того, что требуется отъ одной стороны для другой, именно представленія этихъ двухъ сторонъ, двухъ субъектовъ: субъекта императива, пассива, обязаннаго и субъекта аттрибутива, актива,

управомоченнаго (въ правѣ всегда парами шествуютъ субъекты, между тѣмъ какъ въ храмѣ нравственности существуютъ только обязанные, а притязающіе не къ сему царству относятся). Что касается засимъ представленій объектовъ въ области правосознанія, т. е. того, къ чему субъектъ императива обязанъ по отношенію къ субъекту аттрибутива, то здѣсь съ представленіями тѣхъ дѣйствій (facere), воздержаній (non facere) или терпѣній (pati), къ которымъ обязана пассивная сторона (съ представленіемъ объектовъ долженствованія) конкурируютъ представленіе тѣхъ эффектовъ, тѣхъ полученій (accipere) въ общемъ смыслѣ, которыя причитаются управомоченнымъ (объекты притязаній, правъ). Такъ, напр., если императивная сторона обязана уплатить десять руб., такъ что предметомъ долженствованія является платежъ 10 р. (decem dare), то объектомъ права для другой стороны является полученіе 10 р. (decem accipere); *это* именно причитается аттрибутивной сторонѣ, на *это* она имѣетъ право (и это право удовлетворяется соотвѣтственнымъ *полученіемъ*, хотя бы обязанный и не исполнилъ своей обязанности, не осуществилъ объекта императива, а слѣдуемое управомоченному доставлено, напр., судебнымъ приставомъ или дядей должника-племянника). Если объектъ обязанности состоитъ въ терпѣніи чего-либо, напр., въ претерпѣваніи тѣлесныхъ наказаній или иныхъ воздѣйствій со стороны управомоченнаго, то объектомъ аттрибутива, предметомъ права будетъ наказываніе или иное соотвѣтствующее дѣйствіе субъекта права (отецъ имѣетъ *право наказывать* свое дитя, государство— преступника, содѣявшій преступленіе обязанъ это претерпѣть). Въ области чисто императивнаго сознанія долженствованія нѣтъ объектовъ правъ въ указанномъ смыслѣ, какъ нѣтъ здѣсь и субъектовъ правъ (такъ, напр., въ выше приведенномъ изреченіи Евангелія объ обидахъ дѣло идетъ объ обязанности съ покорностью переносить обиды, но здѣсь нѣтъ *субъекта права обижать*, нѣтъ представленій субъекта и объекта права).

Это различіе интеллектуальнаго состава явленій императивно-аттрибутивнаго и чисто императивнаго сознанія долженствованія

тѣснѣйшимъ образомъ связано со специфическимъ различіемъ дѣйствующихъ въ обоихъ случахъ эмоцій долга.

Выраженія „слѣдуетъ“, „причитается“ кому-либо и т. п. обычно употребляемыя въ областо императивно-аттрибутивнаго сознанія долженствованія, являются психологическими симптомами своеобразнаго моторнаго движенія и напряженія, переживаемаго словно притяженіе, исходящее отъ субъекта притязанія, отъ субъекта, которому, по нашему убѣжденію, что либо слѣдуетъ, причитается. Тотъ же психологическій смыслъ имѣютъ выраженія „требованіе“, „притязаніе“ и т. п. Было бы наивно толковать такія выраженія, какъ „слѣдуетъ“, „причитается“ и т. п., напр., такъ, что слѣдуемое само стремится и приходитъ къ управомоченному, или что оно притягивается имъ къ себѣ (рѣчь идетъ лишь о соотвѣтственномъ эмоціональномъ, моторномъ движеніи въ психикѣ того, кто переживаетъ императивно-аттрибутивное сознаніе долженствованія). Ошибочно также понимать выраженія „требованіе“, „притязаніе“ въ томъ смыслѣ, что здѣсь дѣло идетъ о „волѣ“ управомоченнаго, что тѣ, которымъ мы приписываемъ права, дѣйствительно чего-либо отъ насъ требуютъ, желаютъ, на что-либо притязаютъ и т. п. (Это, конечно, можетъ иногда имѣть мѣсто, но не должно быть смѣшиваемо съ техническимъ смысломъ юридическихъ выраженій „притязанія“, „требованія“ и т. п.). Эти выраженія представляютъ лишь переводъ на языкъ представленій своеобразныхъ особенностей той авторитетно-импульсивной эмоціи, на которой покоится императивно-аттрибутивное сознаніе долженствованія. Активная, моторная сторона ея имѣетъ такой характеръ, что соотвѣтственный импульсъ переживается какъ внутреннее понуканіе къ подчиненію и сообразованію поведенія съ тѣмъ, что авторитетно требуется отъ одного для другого.

Можно, впрочемъ, различать разные оттѣнки императивно-аттрибутивныхъ эмоцій, смотря по тому, какое отношеніе, какое поведеніе требуется отъ обязаннаго для управомоченнаго (каковъ объектъ обязанности и объектъ права).

1) Если объектъ обязанности состоитъ въ положительномъ содѣяніи чего-либо (facere) (если императивная сторона обязана къ доставленію, дѣланію чего-либо), и, слѣдовательно, объектъ права состоитъ въ соотвѣтствующемъ полученіи (accipere), то эмоція долженствованія имѣетъ характеръ авторитетнаго побужденія къ доставленію противоположной сторонѣ удовлетворенія, какъ чего-то притязаемаго, „притягиваемаго“ со стороны субъекта права и для него (и здѣсь болѣе всего подходятъ выраженія: „требованіе“, „притязаніе“ и т. п.).

2) Если объектъ обязанности состоитъ въ воздержаніи, недѣланіи (non facere), если, слѣдовательно, объектъ права состоитъ въ непретерпѣваніи соотвѣтственнаго дѣйствія (non pati), въ свободѣ отъ соотвѣтствующихъ воздѣйствій (напр., въ тѣлесной неприкосновенности, въ свободѣ отъ оскорбленій чести и т. д.), то эмоція долженствованія имѣетъ характеръ отстраненія, недопущенія (repulsio), удержанія отъ вторженія въ данную сферу обладанія, свободы и т. п., авторитетно предоставленную управомоченному (правового оттолкновенія, отрицательнаго притязанія).

3) Если объектъ долженствованія состоитъ въ претерпѣваніи (pati), а объектъ права въ соотвѣтствующемъ дѣланіи, содѣяніи (facere), напр., въ дѣланіи выговора, въ заключеніи преступника въ тюрьму и т. п., тогда эмоція долженствованія имѣетъ характеръ побужденія къ претерпѣнію соотвѣтствующаго воздѣйствія, какъ чего-то такого, что дѣлается аттрибутивной стороной въ силу высшей санкціи и авторитета (наиболѣе подходящее имя для соотвѣтствующихъ правовыхъ обязанностей, разсматриваемыхъ съ точки зрѣнія аттрибутивной стороны—правомочія).

Для всѣхъ трехъ названныхъ подвидовъ императивно-аттрибутивныхъ сознаній долженствованія и соотвѣтствующихъ аппульсивныхъ и репульсивныхъ эмоцій одинаково существенно и характерно то, что онѣ имѣютъ авторитетный характеръ съ мистической окраской; и при томъ таковъ характеръ не только обращеннаго къ обязанной сторонѣ „императива“, но и соотвѣтственной аттрибуціи; соотвѣтственное надѣленіе противустоящей стороны

также имѣетъ характеръ высшей санкціи и авторитета. Этимъ обстоятельствомъ объясняется психологически тенденція народной психики приписывать надѣленіе правами, равно какъ возложеніе обязанностей божествамъ (ср. выше разд. II). Права, принадлежащія отцу, мужу по отношенію къ дѣтямъ, женамъ—установлены богами, божественнаго происхожденія и т. д. Различныя философскія системы приписываютъ надѣленіе правами различнымъ высшимъ метафизическимъ существамъ (напр., „природѣ" въ метафизическо-пантеистическомъ смыслѣ, отсюда выраженіе „право природы", „естественное право" [Naturrecht], „разуму" въ метафизическомъ смыслѣ и т. д.). Точно также для объясненія происхожденія и природы правъ привлекается „народный духъ", „общая воля", „общее убѣжденіе", „общее признаніе" и т. п. фиктивныя вещи (ср. II). Тѣ, кто считаетъ высшимъ авторитетомъ на землѣ государство, приписываютъ (фингированной) „волѣ" этого (представляемаго какъ лицо) возвышеннаго существа, „государственной волѣ" (Staatswillen), власть создавать права и надѣлять ими людей.

Той же тенденціи свести права къ чужой авторитетной волѣ, создать для нихъ высшій надѣляющій авторитетъ, соотвѣтствуетъ въ наукѣ права миѳическое существо, весьма почитаемое юристами: „правопорядокъ". Въ юридической литературѣ „правопорядокъ" играетъ роль какого-то высшаго существа, создающаго права, надѣляющаго ими людей, объявляющаго ихъ неприкосновенными, защищающаго и т. п.

Въ области нравственнаго, чисто императивнаго сознанія—эмоціи долга имѣютъ характеръ мистическо-авторитетнаго понуканія къ тому или иному поведенію безъ характера авторитетнаго предоставленія по отношенію къ другой сторонѣ и безъ оттѣнка притязательности соотвѣтственнаго импульса [1]).

---

[1]) Противъ предложенной мною классификаціи актовъ этическаго сознанія полемизируетъ кн. Е. Н. Трубецкой въ статьѣ: «Философія права проф. Л. I. Петражицкаго», помѣщенной въ «Вопросахъ философіи и психологіи», 1901 г., кн. 57 ст. 9 и сл., и содержащей разборъ перваго выпуска моихъ «Очерковъ философіи права».

Въ виду аргументаціи, содержащейся въ 1-мъ вып. «Очерковъ» (и

V. Къ вопросу о существѣ правъ и ихъ субъектовъ.

Теперешняя наука права занимается т. ск. усерднѣйшимъ обыскомъ правомочленныхъ, чтобы найти, уловить у нихъ права и познать, что это такое эти права. Но это, повидимому, очень

въ продолженіи ихъ, пока имѣющемся лишь въ литографированномъ видѣ) почтенный критикъ порываетъ съ основными вѣрованіями и точками зрѣнія современной юриспруденціи и вообще всецѣло присоединяется къ моей критикѣ современныхъ теорій, а равно и къ нѣкоторымъ основнымъ положительнымъ тезисамъ «Очерковъ» (напр., о видахъ права, о существѣ позитивности т. н. позитивнаго права, объ «оффиціальномъ» правѣ). Соглашается онъ также и съ тѣмъ положеніемъ, что нормы права суть императивно-аттрибутивныя нормы. «Я не сомнѣваюсь въ томъ, замѣчаетъ онъ на стр. 18, что правовыя нормы суть дѣйствительно нормы императивно-аттрибутивныя. Будучи знакомъ съ воззрѣніями Петражицкаго не по одной только разбираемой работѣ, я увѣренъ въ возможности убѣдительно доказать путемъ анализа функцій юридическихъ нормъ, что каждая изъ нихъ съ одной стороны «повелѣваетъ», съ другой стороны «предоставляетъ». Но онъ считаетъ аттрибутивную природу общимъ, родовымъ свойствомъ нормъ, т. е. приписываетъ ее и нравственности («трудно найти хотя бы одну нравственную норму, которая бы не была «императивно-аттрибутивной», стр. 14), такъ что съ его точки зрѣнія моя теорія права является т. ск. недоконченною, требуется еще найти differentia specifica, специфическое отличіе для юридическихъ нормъ (въ чемъ бы таковое могло состоять, критикъ не сообщаетъ).

По поводу этого разногласія возникаетъ дилемма:

1) Или почтенный критикъ провѣрялъ путемъ надлежащаго психологическаго метода (самонаблюденія, ср. «Очерки», 51) существованіе констатированныхъ мною двухъ разновидностей этическихъ переживаній, но убѣдился только въ существованіи императивно-аттрибутивныхъ переживаній потому, что онъ дѣйствительно переживаетъ только такіе акты этическаго сознанія, а чисто императивное, безпритязательное сознаніе долга въ самомъ дѣлѣ чуждо его психикѣ;

2) или онъ не примѣнялъ совсѣмъ или не примѣнилъ надлежащимъ и успѣшнымъ образомъ (можетъ быть, вслѣдствіе непривычки къ психологическимъ изслѣдованіямъ) того пріема изслѣдованія, который былъ необходимъ для основательнаго рѣшенія вопроса.

Первое предположеніе не представляется вѣроятнымъ. Дѣло бы шло объ аномаліи, состоящей въ гипертрофіи правовой, притязательной психики и въ атрофіи безпритязательной, нравственной психики. Вѣроятнѣе второе предположеніе. И вина въ случившемся недоразумѣніи падаетъ,

неуловимыя вещи; такіе поиски до сихъ поръ, какъ уже упомянуто выше, не увѣнчались успѣхомъ, хотя и полагаютъ нѣкоторые, что права управомоченныхъ состоятъ въ ихъ волѣ, другіе — что права состоятъ въ интересахъ (напр., денежныхъ и т. п.) управомоченныхъ, при чемъ „воля“ управомоченнаго или его „интересъ“ должны быть не простою волею, не простымъ интересомъ, а со штемпелемъ одобренія, признанія, защиты со стороны начальства, „правопорядка“ и т. п.

пожалуй, на меня. Слѣдовало болѣе подчеркнуть и обстоятельнѣе обосновать необходимость примѣненія интроспективнаго метода и привести для облегченія провѣрки примѣры, болѣе рѣзко и наглядно иллюстрирующіе чисто императивный характеръ нѣкоторыхъ нормъ, чѣмъ тѣ примѣры, которые приведены въ «Очеркахъ». Послѣдній пробѣлъ восполняетъ настоящая брошюра, ср. выше стр. 18 и сл. и ниже, а первый будетъ восполненъ въ готовящемся къ печати второмъ изданіи «Очерковъ».

Правильность второго предположенія подтверждаютъ и нѣкоторыя данныя, содержащіяся въ самомъ изложеніи критики проф. Трубецкого. Такъ, на стр. 17 онъ говоритъ о сардинскихъ разбойникахъ, создающихъ путемъ угрозы смертью «обязанности» для другихъ, и притомъ «обязанности, активно закрѣпленныя за ними—«страхомъ» и т. д. Изъ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ замѣчаній явствуетъ, что почтенный критикъ, къ сожалѣнію, не извлекъ изъ содержанія разбираемой имъ книги и изъ тѣхъ данныхъ (внутренняго опыта), на которыя тамъ указывается, тѣхъ понятій «обязанности» и «императивной» и «аттрибутивной» природы нѣкоторыхъ переживаній (конечно, не имѣющихъ ничего общаго съ угрозами и страхомъ), которыя (понятія) устанавливаются въ критикуемомъ имъ сочиненіи. Вслѣдствіе этого, между прочимъ, и согласіе критика съ нѣкоторыми положительными тезисами моей теоріи теряетъ для меня ту цѣнность, которую бы я имъ склоненъ былъ приписать, если бы мы—понимали другъ друга.

Далѣе, правильность второго члена названной выше дилеммы подтверждаетъ то, что почтенный критикъ говоритъ о примѣненіи психологическаго метода для познанія и опредѣленія существа права. А именно, онъ прямо и рѣшительно отвергаетъ этотъ пріемъ изслѣдованія и полагаетъ, что всякая попытка опредѣлить существо права на почвѣ эмпирической психологіи должна неизбѣжно вести къ логической ошибкѣ—definitio per idem, къ опредѣленію неизвѣстнаго неизвѣстнымъ.

Спеціально по моему адресу онъ замѣчаетъ: «Вслѣдствіе этого (т. е. вслѣдствіе примѣненія психологической точки зрѣнія) ему не удается избѣжать того заблужденія, которое онъ столь основательно ставитъ въ упрекъ многимъ изъ своихъ предшественниковъ (т. е. разнымъ другимъ теоріямъ права). Его разсужденіе содержитъ въ себѣ логическій кругъ: въ самомъ дѣлѣ, выводить опредѣленіе права изъ наблюденій надъ пси-

Можно смѣло утверждать, что если наука права затратитъ еще столько умственной энергіи, остроумія, типографскихъ чернилъ и т. д. на рѣшеніе этой головоломной задачи, сколько уже всего этого затрачено, то положеніе проблемы нисколько отъ этого не улучшится, и юристы, какъ теперь, такъ и впредь, не будутъ знать, что такое собственно права, о которыхъ они такъ много говорятъ.

Сколько бы мы ни обыскивали управомоченныхъ, ни въ квартирѣ ихъ, ни въ карманахъ, ни въ душахъ ихъ (нѣкоторые субъекты правъ, какъ увидимъ ниже, ни квартиры, ни кармановъ,

---

хическими состояніями людей, «переживающихъ въ своемъ сознаніи правовыя нормы» значитъ опредѣлять право правомъ, неизвѣстное неизвѣстнымъ» (стр. 17). На стр. 15 критикъ указываетъ, что та психологія, изъ которой я исхожу, «это психологія тѣхъ людей, которые признаютъ или «чувствуютъ» себя связанными тѣми или другими нормами должнаго по отношенію къ ближнему»... между тѣмъ... «Врядъ ли г. Петражицкій станетъ оспаривать возможность нравственнаго и правового идіотизма, врядъ ли онъ станетъ отрицать существованіе такихъ людей, которые не только не считаютъ себя обязанными уважать чужое добро, но не признаютъ себя связанными вообще никакими закрѣпленными за ближнимъ обязанностями... если въ результатѣ анализа г. Петражицкаго получилось то или другое опредѣленіе права, то только потому, что онъ, не отдавая въ томъ отчета, ограничилъ область своихъ наблюденій: матеріаломъ для его анализа на самомъ дѣлѣ послужили психическія состоянія *только* тѣхъ людей, которые мыслятъ и чувствуютъ согласно тѣмъ и другимъ представленіямъ о *должномъ*, иначе говоря, такое сознаніе, которое уже содержитъ въ себѣ нравственныя и правовыя нормы».

Я вполнѣ признаю, что я дѣйствительно такъ поступилъ при построеніи своей теоріи, какъ это утверждаетъ мой уважаемый оппонентъ, и даже считаю долгомъ признаться въ томъ, что это я сдѣлалъ отнюдь не «не отдавая себѣ въ этомъ отчета», а вполнѣ сознательно и умышленно, не culpa, а dolo malo, выражаясь криминалистической, или вообще юридической терминологіей. Тѣмъ не менѣе я не считаю себя виновнымъ въ томъ (весьма серьезномъ и въ корнѣ подрывающемъ всякое значеніе моей теоріи) логическомъ грѣхѣ, который мнѣ приписываетъ кн. Трубецкой (поясняя на стр. 18, что «опредѣленія, основаныя на тождесловіи, разумѣется, ничего не опредѣляютъ»).

Подъ «тождесловнымъ опредѣленіемъ», definitio per idem разумѣется въ логикѣ такое опредѣленіе, которое содержитъ въ своемъ предикатѣ, сказуемомъ повтореніе (въ явномъ или скрытомъ видѣ) опредѣляемаго подлежащаго, напр., «право есть совокупность правовыхъ нормъ», «юридическія нормы суть предписанія права». Обыкновенно, конечно, этотъ логическій промахъ содержится въ неудачныхъ опредѣленіяхъ въ болѣе

ни души не имѣютъ), мы тѣхъ правъ. которыхъ мы ищемъ, не отыщемъ и не поймаемъ и природы ихъ такимъ образомъ, путемъ исканія во внѣшнемъ для насъ мірѣ, не познаемъ. Когда мы приписываемъ кому-либо какое либо право, то наивно было бы думать, что отъ этого или независимо отъ этого у соотвѣтственнаго человѣческаго или иного „существа“ (напр., казны, ср. ниже) на квартирѣ или гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ появляются какія-либо вещи или совершаются какіе-либо акты (напр., акты воли, хотѣнія, заинтересованности и т. п.), такъ что, подоспѣвъ во время на мѣсто или подвергнувъ допросу управомоченнаго, мы

скрытомъ видѣ, такъ что для его обнаруженія и доказательства требуются болѣе или менѣе сложныя соображенія (ср. напр., «Очерки» § 8 о теоріи права, какъ «принудительныхъ нормъ»).

Между тѣмъ то, въ чемъ меня уличаетъ мой почтенный оппонентъ, указывая, что я оставляю въ сторонѣ психику страдающихъ нравственнымъ и правовымъ идіотизмомъ, что я для познанія существа нравственности и права изучаю именно такое сознаніе, «которое уже содержитъ въ себѣ нравственныя и правовыя нормы» и т. д., есть нѣчто совершенно другое и съ definitio per idem не имѣетъ абсолютно ничего общаго. Оно состоитъ въ изученіи явленій тамъ, гдѣ эти явленія существуютъ и могутъ быть изучены, а не тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Но порицать это и требовать въ наукѣ иного отношенія къ дѣлу—не слѣдуетъ; нельзя требовать отъ того, кто желаетъ изучать тропическую материковую флору, познать и опредѣлить ея особенности и проч., чтобы онъ для этого отправился въ плаваніе по Ледовитому океану (для избѣжанія суши и теплаго климата), а отъ того, кто берется изучить и опредѣлить какія-либо явленія полярной морской природы, чтобы онъ для этого отправился въ сухія тропическія мѣстности. Съ точки зрѣнія той критики, которую почтенный оппонентъ примѣняетъ къ моей теоріи (полагая, очевидно, по недосмотру, что это такая же критика, какую я, по его мнѣнію, съ успѣхомъ, примѣняю къ разнымъ существующимъ теоріямъ права), слѣдовало бы обвинить въ definitio per idem не только всѣхъ ученыхъ изслѣдователей, изучающихъ явленія въ надлежащей сферѣ ихъ изученія, но, напр., и тѣхъ, которые пишутъ «корреспонденціи съ театра войны», находясь дѣйствительно тамъ, гдѣ происходитъ война, а не въ болѣе мирной мѣстности, напр., въ какой либо петербургской или парижской редакціи, какъ это иногда случается, и т. п.

Если почтенный критикъ, самъ избѣгаетъ того, въ чемъ онъ меня упрекаетъ, и въ частности остался вѣрнымъ своимъ принципамъ научнаго изслѣдованія и при занятіи провѣркой правильности моей теоріи, то вполнѣ естественно, что ему было «трудно» найти хотя бы одинъ образецъ чисто императивнаго сознанія долга и т. д.

у него что-нибудь особое найдемъ, застанемъ его въ особомъ какомъ-либо положеніи и т. п.

Когда мы говоримъ, что другой имѣетъ такое-то право, то имѣется на лицо нѣчто реальное, но только не тамъ, гдѣ находится тотъ человѣкъ или иной кто, о которомъ мы говоримъ, а въ нашей же психикѣ; туда и слѣдуетъ обратить свой взоръ, чтобы узнать, что такое право, права и т. д. Права, какъ мы указали выше, не что иное какъ особаго рода обязанности съ точки зрѣнія актива, а относительно обязанностей мы уже уяснили выше, что онѣ нѣчто идеальное, проектируемое нами на разныя представляемыя существа, и что въ основѣ ихъ лежатъ сочетанія представленій извѣстнаго поведенія и особыхъ, описанныхъ выше (II), эмоцій — въ психикѣ того, кто приписываетъ, обязанности разнымъ существамъ прошлаго, настоящаго или будущаго времени, находящимся или находившимся на землѣ или въ аду, въ небѣ и т. п.

Права представляютъ вовсе не что то такое, что находится и можно найти у тѣхъ, кому мы ихъ приписываемъ; они нѣчто идеальное, проектированное нами на тѣ или иныя представляемыя существа; вообще, они тѣ же обязанности, только переживаемыя на почвѣ императивно-аттрибутивныхъ эмоцій въ сочетаніи съ представленіями, о коихъ шла рѣчь выше (субъектовъ и объектовъ). Вообще все изложенное выше о проекціи обязанностей, о причинахъ и особенностяхъ этого психическаго явленія относится mutatis mutandis и къ проекціи правъ.

Не меньшія затрудненія, чѣмъ поиски за правами во внѣшнемъ для ищущихъ мірѣ, причиняютъ юриспруденціи такіе же поиски во внѣшнемъ мірѣ за нѣкоторыми субъектами правъ. Казнѣ, напр., принадлежатъ многія и весьма важныя права, но какъ найти казну, гдѣ она, что она такое? — знаменитая головоломнѣйшая проблема правовѣдѣнія о т. наз. юридическихъ лицахъ. Примѣняется здѣсь и допускается и licentia poëtica, напр., изображеніе особыхъ „соціальныхъ организмовъ", ихъ духовныхъ свойствъ, чувствъ, интересовъ, воли и т. п. Привлекается къ дѣлу

и метафизика (безтѣлесная воля Цительмана и т. п.), но ничто не помогаетъ. Безвыходное положеніе!

Съ точки зрѣнія нашей теоріи ларчикъ открывается просто, или правильнѣе, подобной проблемы, какъ отыскиваніе разныхъ субъектовъ права во внѣшнемъ мірѣ съ нашей точки зрѣнія для теоріи права вообще не существуетъ и существовать не можетъ (ср. выше, разд. II).

Что бы мы сказали о такомъ логикѣ или грамматикѣ, который пришелъ бы въ затрудненіе и смущеніе по поводу предложенія или сужденія: „Зевесъ есть царь боговъ" и отказался бы безъ поѣздки въ Грецію и ревизіи облаковъ Олимпа отвѣтить, есть ли на лицо субъектъ къ предикату даннаго сужденія (или, при грамматическомъ анализѣ: подлежащее къ сказуемому даннаго предложенія), или заявилъ бы просто, что въ данномъ случаѣ нѣтъ субъекта, или нѣтъ подлиннаго субъекта, а только ad hoc для предиката „фингированный" субъектъ. Такъ какъ логики знаютъ, что они имѣютъ дѣло не съ фауною земного шара, а съ духовными явленіями, съ мыслью человѣческою, то для нихъ подобныхъ вопросовъ не возникаетъ. Конечно, въ сужденіи: Зевсъ есть царь боговъ, есть на лицо субъектъ и притомъ подлинный субъектъ по всѣмъ правиламъ искусства, только онъ не въ облакахъ Олимпа, а тутъ же въ сужденіи: Зевсъ есть царь боговъ.

Точно также и юристамъ не слѣдуетъ заниматься въ области анализа правоотношеній и ученія о субъектахъ правъ проблемами эмпирической или метафизической біологіи и фауны эмпирическаго и метафизическаго міра, несмотря на то, что имъ приходится имѣть дѣло съ такими субъектами правъ, какъ казна, богадѣльни, монастыри, города, и т. п. такъ наз. юридическими лицами. При правильномъ отношеніи къ дѣлу такія юридическія явленія, какъ—„казна имѣетъ право получить отъ поставщика А неустойку въ сто тысячъ, взыскать недоимку" и т. п., такъ же мало должны смущать юриспруденцію по поводу вопроса, есть ли здѣсь субъектъ и, если есть, кто онъ собственно такой, особый „соціальный организмъ" или какое метафизическое существо, какъ

логиковъ или грамматиковъ — вопросъ о наличности и природѣ субъекта въ сужденіи „Зевсъ есть царь боговъ". Конечно, въ правоотношеніи „Казна имѣетъ право"... есть субъектъ и притомъ подлинный субъектъ, но только для отысканія и констатированія этого субъекта ошибочно было бы ѣздить, напр., въ Петербургъ, обыскивать набережную Мойки или т. п. или сочинять фантастическія біологическія теоріи объ особыхъ „надъиндивидуальныхъ организмахъ", метафизическія теоріи о существованіи „безтѣлесной воли", какъ особаго существа, которое можетъ жить и имѣть права безъ „тѣлеснаго субстрата" и т. п. болѣе глубокомысленныя, чѣмъ научныя теоріи; субъектомъ права въ правоотношеніи: „Казна имѣетъ право"... является именно логическій субъектъ (грамм. подлежащее) къ предикату (сказуемому) „имѣетъ право", а таковымъ состоитъ не какое то громадное „соціальное" животное и вообще не что-то такое, что гдѣ-то находится и живетъ во внѣшнемъ мірѣ, а то идеальное, что находится въ мысли и сочетается съ не менѣе идеальною величиною „имѣетъ право"...; субъектомъ права въ случаѣ правъ казны является то, что люди, приписывающіе казнѣ права, представляютъ себѣ, говоря слово „казна".

Разные люди сочетаютъ со словомъ „казна" представленія различныхъ оттѣнковъ, но и занятіе изслѣдованіемъ этихъ оттѣнковъ было бы недоразумѣніемъ со стороны науки права, какъ таковой; эта тема относится къ общей психологіи представленій.

Уразумѣвъ ту истину, что правоотношенія и ихъ элементы: субъекты, объекты, обязанности, права не суть какіе-то предметы внѣшняго, эмпирическаго или метафизическаго міра, подобно тому, какъ таковыми не являются субъекты, предикаты, объекты (дополненія къ сказуемому) въ сферахъ, которыя вѣдаетъ логика, грамматика, логическій и грамматическій анализъ, — наука права совсѣмъ бы иначе опредѣлила и кругъ возможныхъ субъектовъ права, нежели она это дѣлаетъ теперь; а именно, она бы убѣдилась, что категорій возможныхъ субъектовъ права существуетъ гораздо больше, нежели она теперь допускаетъ и предполагаетъ.

Теперешняя наука права считаетъ аксіомою, что субъектами правъ могутъ быть только: 1) „живые люди“ (т. н. „физическія лица“), 2) учрежденія и корпораціи (т. н. „юридическія лица“— надъиндивидуальные, соціальные организмы по наиболѣе популярной теперь теоріи).

На самомъ же дѣлѣ субъектами правъ бывали и бываютъ въ правѣ разныхъ народовъ еще, напр., и:

3) Покойники. Ограбленіе, оскорбленіе покойниковъ и т. п. у многихъ народовъ являются преступленіями противъ правъ покойниковъ. Безъ знанія и пониманія роли покойниковъ, какъ субъектовъ правъ въ правѣ разныхъ народовъ нельзя, напр., понимать и научно объяснять такіе, напр., обычаи, какъ сожженіе женъ, рабовъ, закапываніе предметовъ права собственности покойнаго въ могилу, оставленіе дома покойнаго и переселеніе въ другое мѣсто и т. д. Смыслъ этихъ и т. п. обычаевъ состоитъ въ подчиненіи правамъ покойниковъ (супружескимъ, господскимъ правамъ, правамъ собственности, и т. д.).

Изъ статьи 215 дѣйствующаго Устава гражданскаго судопроизводства („Сему же суду предъявляются иски къ лицу умершаго собственника, буде нѣтъ въ виду признанныхъ или вступившихъ во владѣніе наслѣдниковъ“) видно, что и у насъ „лицо умершаго“ въ извѣстныхъ случаяхъ бываетъ субъектомъ правъ и обязанностей.

4) Боги. Не говоря уже о народахъ, стоящихъ на ступени фетишизма и наказывающихъ, напр., своихъ боговъ за неисполненіе договора и нарушеніе иныхъ юридическихъ обязанностей палками или лишеніемъ права на обычную и установленную, имъ причитающуюся порцію пищи, а равно о народахъ съ политеистическими религіями вообще (гдѣ субъектовъ правъ невозможнаго съ точки зрѣнія современной теоріи права рода бываетъ великое множество), — даже народы, обладающіе столь высокою культурою и религіей, какъ евреи, магометане имѣли и имѣютъ на каждомъ шагу дѣло съ правами Божества (въ магометанскихъ памятникахъ часто рѣчь идетъ о правахъ Аллаха и Магомета

вмѣстѣ). Въ теократическихъ государствахъ, какъ очень удачно показываетъ сама этимологія слова, права государственной власти принадлежатъ божествамъ, и управляющіе отъ ихъ имени первосвященники и т. п. являются только намѣстниками, представителями, министрами...

5) Разныя иныя сверхъестественныя существа религіозной и иной психики сверхъ божествъ въ собственномъ смыслѣ.

Между прочимъ, въ средніе вѣка большую роль въ правовой жизни играли святые, въ качествѣ субъектовъ разныхъ правъ. Святымъ дарились и завѣщались цѣлыя имѣнія съ правами, къ нимъ пріуроченными; для управленія ими назначались особые представители, старосты и т. д.

Если, теперешніе юристы перетолковываютъ соотвѣтственные юридическіе акты такъ, чтобы субъектомъ права оказался кто нибудь другой, а не названный въ документѣ святой, то наивность на сторонѣ теперешней теоріи права.

Если напр., въ юридическомъ документѣ значится:

Се азъ Мьстиславъ Володимиръ сынъ, дьржа Роусьскоу землю въ свое княженіе, повелѣлъ есмь сыноу своемоу Всеволоду отдати Боуицѣ (названіе имѣнія) святомоу Георгіеви съ данію и съ вирами и продажами (т. е. со всѣми правами, связанными съ правомъ собственности)... даже .которыи князь по моемь княженіи почнеть хотѣти отъяти отъ святого Георгія, а Богъ боуди за тѣмъ и святая Богородица и тъ стыи Георгіи оу него то отимаетъ... А се азъ Всеволодъ далъ есмь блюдо серебрьно въ 30 гривьнъ серебра святомоу же Георгіеви... (и т. д.—документъ 12-го вѣка, цит. по христоматіи по исторіи русскаго права проф. Буданова);

то не слѣдуетъ заниматься перетолковываніемъ такихъ и т. п. безчисленныхъ юридическихъ актовъ среднихъ вѣковъ (на имя разныхъ святыхъ и Пресвятой Богородицы, ср. напр., купчую Антонія Римлянина, и т. д.) въ томъ смыслѣ, что права переводились не на имя названныхъ въ документѣ святыхъ, а иныхъ субъектовъ, ибо это отнюдь не меньшая наивность со стороны теперещ-

ней науки, нежели желаніе угодить святому путемъ совершенія дарственныхъ записей на его имя и т. п. со стороны людей тогдашняго времени.

6) Не только сверхчеловѣческія, но и т. ск. подчеловѣческія существа бывали и бываютъ въ правѣ разныхъ народовъ субъектами правъ и обязанностей. Напр., въ средніе вѣка на „скамьѣ подсудимыхъ“ въ качествѣ правонарушителей бывали и быки, пѣтухи и т. п. Противъ нихъ говорились обвинителями воодушевленныя рѣчи, сыпались ссылки на законы и обычное право, постановлялись наказанія и т. д.

Это, конечно, наивная правовая психологія, но еще наивнѣе скептицизмъ теперешней теоріи права, не могущей понять, какъ животныя могутъ быть субъектами обязанностей и правъ, и т. п., а въ случаѣ правъ казны создающей себѣ въ фантазіи особое большое животное, чтобы найти для этихъ правъ субъекта.

Роль субъектовъ права могутъ вообще исполнять и исполняютъ въ правѣ народовъ всѣ тѣ идеи (ихъ содержанія), съ которыми въ психикѣ людей даннаго времени и данной ступени культуры ассоціируются тѣ психическія явленія, которыя выражаются въ видѣ сказуемаго „имѣетъ право“, „обязанъ“ и т. д.

VI. Нравственное сознаніе и правосознаніе, какъ факторы индивидуальныхъ поступковъ и соціальныхъ явленій. О цѣнности правосознанія.

Установленному выше различію чисто императивнаго, безпритязательнаго сознанія долга (нравственнаго сознанія), съ одной стороны, и императивно-аттрибутивнаго сознанія долга-права (правосознанія), съ другой стороны, соотвѣтствуетъ весьма существенное для индивидуальной жизни и массовыхъ соціальныхъ явленій различіе въ дѣйствіи тѣхъ и другихъ эмоціонально-интеллектуальныхъ ассоціацій въ качествѣ мотивовъ поведенія:

1. Сознаніе закрѣпленнаго за нами долга другого или другихъ лицъ (сознаніе нашего права) имѣетъ своеобразное мотор-

ное, импульсивное значеніе; оно поощряетъ къ тому поведенію по отношенію къ другимъ, которое соотвѣтствуетъ содержанію нашего права.

Въ области нравственности (въ смыслѣ проводимой нами классификаціи этическихъ явленій, т. е. въ области чисто императивныхъ, безпритязательныхъ убѣжденій) этотъ видъ мотиваціи отсутствуетъ.

2. И въ области чисто-императивныхъ, и въ области императивно-аттрибутивныхъ этическихъ явленій существуетъ мотивація, состоящая въ эмоціональномъ понуканіи и понужденіи къ исполненію того, что является предметомъ нашего долга. Тѣмъ не менѣе, и въ этой области (въ области дѣйствія сознанія своего долга) существуетъ важное различіе между нравственнымъ сознаніемъ и правосознаніемъ.

Императивно - аттрибутивное сознаніе нашего долга (права другого) оказываетъ ceteris paribus несравненно болѣе рѣшительное давленіе на нашу волю (рѣшенія) и поведеніе, нежели чисто императивное сознаніе нашего долга; первое имѣетъ въ среднемъ несравненно болѣе шансовъ вызвать на дѣлѣ соотвѣтственное поведеніе, нежели послѣднее.

Если мы условно назовемъ то вліяніе на наше поведеніе, которое свойственно сознанію нашего долженствованія, нашихъ обязанностей (обоихъ родовъ, какъ чисто императивному, такъ и императивно-аттрибутивному сознанію нашего долга) „пассивною“ этической мотиваціей, а вліяніе на наше поведеніе, свойственное сознанію закрѣпленнаго за нами активно долга другихъ (нашего права) „активной“ этической мотиваціей, то мы можемъ выразить выставленныя выше положенія такъ:

Между чисто императивными этическими явленіями (моралью) и императивно-аттрибутивною ихъ вѣтвью (правомъ) существуютъ два существенныя съ точки зрѣнія вліянія тѣхъ и другихъ этическихъ явленій на наше поведеніе, различія, а именно:

1. Чисто императивной этической психикѣ (морали) чужда активная этическая мотивація, свойственная императивно-аттрибутивной психикѣ (праву).

2. Аттрибутивный характеръ правосознанія сообщаетъ соотвѣтственной поссивной этической мотиваціи особую силу, такъ что эта мотивація рѣшительнѣе и надежнѣе, нежели чисто императивная мотивація.

Эти теоремы требуютъ поясненій. Мы сначала остановимся на второй.

Что касается нашего утвержденія относительно существованія особаго, т. ск. добавочнаго давленія на наше поведеніе, сообщаемаго сознанію нашего долга сознаніемъ закрѣпленности его за другимъ, сознаніемъ того, что предметъ нашего долженствованія причитается, слѣдуетъ отъ насъ другому, то это — психологическая истина, которую подтверждаютъ на каждомъ шагу факты этической жизни, и въ этомъ каждый можетъ убѣдиться путемъ самонаблюденія и наблюденія поведенія другихъ.

Исполнять по отношеінію къ другимъ то, что, по нашему убѣжденію, имъ отъ насъ слѣдуетъ, причитается, намъ обыкновенно такъ легко, требуетъ отъ насъ такъ мало психическихъ усилій, направленныхъ на подавленіе иныхъ эвентуальныхъ влеченій, что соотвѣтственное поведеніе представляется обыкновенно какъ само собою разумѣющееся. Даже такое поведеніе, какъ готовное перенесеніе ударовъ безъ ропота, возмущенія и сопротивленія при тѣлесномъ наказаніи, считается само собою разумѣющимся тѣми, кто приписываетъ другимъ соотвѣтствующее право (напр., рабы, дѣти, жены — домовладыкамъ, на извѣстной ступени культуры). Напротивъ того, величайшій христіанскій энтузіазмъ, совершенно необычайная интенсивность соотвѣтствующей эмоціи долга требуется для того, чтобы исполнить нравственную обязанность: „кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую“ и т, п.

Указанному психологическому факту соотвѣтствуетъ ходячее въ публикѣ воззрѣніе, что отдавать другимъ имъ должное — это такое поведеніе, которое (по сравненію съ такими этически рекомендуемыми поступками по отношенію къ ближнимъ, на какіе послѣдніе не могли бы претендовать), представляетъ нѣчто мало-

цѣнное. Такъ поступаютъ и „фарисеи и мытники“ и въ этомъ нѣтъ ничего особеннаго. Усматривать особую заслугу и особую добродѣтель въ исполненіи по отношенію къ другому того, что ему слѣдуетъ, причитается, было бы странно и неумѣстно.

Насъ здѣсь интересуетъ не вопросъ, кого за что слѣдуетъ хвалить, считать особенно добродѣтельнымъ и т. п., а какая мотивація: императивно-аттрибутивная или чисто-императивная имѣетъ большее значеніе для соціальной жизни съ точки зрѣнія давленія на поведеніе, съ точки зрѣнія удержанія людей отъ соціально-вреднаго и добыванія отъ нихъ соціально необходимаго и полезнаго поведенія; и вотъ, съ этой точки зрѣнія мы не можемъ не выразить нашего преклоненія именно предъ императивно-аттрибутивнымъ сознаніемъ, предъ императивно-аттрибутивными эмоціями и мотивами поведенія. Если такимъ мотивамъ подчиняются обыкновенно даже „фарисеи и мытники“, то хвала этимъ мотивамъ, ибо тѣмъ больше ихъ общественное значеніе.

Можно очень любить и цѣнить благоуханіе цвѣтовъ, но тѣмъ не менѣе ясно, что обыкновенный воздухъ, кислородъ съ водородомъ, азотомъ и т. д., важнѣе для жизни, нежели разные ароматы. И тотъ, кто любитъ шампанское и ставитъ его выше всякихъ другихъ напитковъ, согласится, что „гусиное вино“ (Gänsewein), т. е. aqua ordinaria, обыкновенная вода, съ точки зрѣнія общей экономіи органической жизни важнѣе и цѣннѣе вина, даже шампанскаго. Вода — очень демократическій, по нѣмецки „гусиный“ напитокъ, но потому именно, что этотъ напитокъ доступенъ всѣмъ, даже и гусямъ, и необходимъ для всякой жизни, его значеніе и цѣнность въ общей экономіи жизни громадны и абсолютны, выше всякой оцѣнки.

Законы человѣческихъ восхваленій, предпочтеній, рыночной оцѣнки и т. д. значительно отличаются отъ законовъ необходимости и полезности. Восхваляется и высоко цѣнится на житейскомъ рынкѣ то, что рѣдко, „аристократично“, а то, что и у гусей есть и всѣмъ необходимо и полезно, то не возбуждаетъ похвалы и удивленія, и тому въ людскомъ мнѣніи не велика цѣна.

Для сознательнаго отношенія не только къ экономическимъ и въ частности къ рыночнымъ явленіямъ, но вообще ко всему, что въ жизни имѣетъ значеніе, нужно всегда помнить эти элементарныя истины. Въ противномъ случаѣ можно впасть въ области поведенія и сужденій, выработки міросозерцанія и т. д. въ большія ошибки и серьезнѣйшія заблужденія. Ходячія мнѣнія и оцѣнки разныхъ благъ неуклонно и систематически толкаютъ насъ на путь иллюзій и оптическихъ обмановъ.

Что касается обыкновеннаго, безароматнаго воздуха, гусинаго напитка и т. п., съ одной стороны, благоуханій духовъ и цвѣтовъ, шампанскаго и т. п., съ другой стороны, то едва ли кто либо, кромѣ развѣ совершенно слабоумныхъ, можетъ впасть въ ту иллюзію, которая подсказывается, напр., дороговизною шампанскаго или восхваленіемъ его, какъ напитка, и т. п.

Какъ показываетъ исторія, въ частности исторіи хозяйственной политики разныхъ государствъ, уже значительно легче впасть въ заблужденіе относительно значенія золота, по сравненію, напр., съ хлѣбомъ, желѣзомъ и т. п., подъ вліяніемъ особенно высокой рыночной цѣнности этого металла. И теперь еще имѣется не мало людей, даже и не слабоумныхъ вообще людей, которымъ бы не безполезно было провѣрить правильность своихъ взглядовъ на золото и нѣкоторыя другія тому подобныя блага и цѣнности.

Одна изъ важнѣйшихъ заслугъ такъ называемой „практической философіи" состоитъ въ томъ, что она способствуетъ разумной „переоцѣнкѣ цѣнностей", критическому и разумному отношенію къ ходячимъ мнѣніямъ и оцѣнкамъ. Само собою мы имѣемъ въ виду здоровую и разумную практическую философію, а не всякую „переоцѣнку цѣнностей". Такая „переоцѣнка цѣнностей", какая, напр., содержится въ практической философіи наиболѣе моднаго теперь философа—Нитцше, именно состоитъ въ такомъ отношеніи къ разнымъ благамъ и цѣнностямъ, какое бы проявилъ тотъ человѣкъ, который бы пришелъ къ заключенію, что аристократическій напитокъ—шампанское много важнѣе и цѣннѣе для жизни, нежели „гусиное вино".

Къ сожалѣнію, практическая философія вообще относилась и относится до сихъ поръ къ разнымъ родамъ человѣческихъ поступковъ и ихъ мотивамъ далеко не достаточно научно, сознательно и критически. Что касается весьма существеннаго и необходимаго для пониманія и оцѣнки разныхъ видовъ этической мотиваціи различія между чисто императивными и императивно-аттрибутивными эмоціями, то оно, какъ и вообще значеніе эмоцій, въ установленномъ выше смыслѣ, для человѣческаго поведенія, не выяснено психологіей и не утилизируется, въ качествѣ основы для классификаціи и сравнительной оцѣнки этическихъ поступковъ, со стороны практической философіи. Но общій характеръ и обычное направленіе взглядовъ представителей практической философіи на человѣческое поведеніе таковы, что, примѣняя ихъ къ интересующей насъ проблемѣ о сравнительной цѣнности чисто императивныхъ и императивно-аттрибутивныхъ эмоцій, какъ импульсовъ человѣческаго поведенія, пришлось бы придти къ предпочтенію первыхъ.

Относительно же нѣкоторыхъ выдающихся мыслителей въ области основныхъ проблемъ практической философіи (напр., Л. Н. Толстого) есть основаніе предположить, что они, по поводу различенія и противопоставленія чисто императивныхъ и императивно-аттрибутивныхъ эмоцій, склонны были бы усматривать въ аттрибутивномъ характерѣ интересующихъ насъ эмоцій, какъ въ элементѣ притязательности, даже существенный дефектъ и порокъ соотвѣтственной мотиваціи.

И вотъ намъ кажется необходимымъ и полезнымъ подчеркнуть, что, съ точки зрѣнія экономіи социальной жизни и общаго блага, аттрибутивная сила интересующихъ насъ эмоцій представляетъ великое ихъ достоинство, и что вообще императивно-аттрибутивныя ассоціаціи и побужденія, какъ таковыя, являются столь цѣннымъ и необходимымъ факторомъ соціально-разумнаго поведенія, что ихъ роль и значеніе для соціальной жизни можно по справедливости сравнивать со значеніемъ воды для жизни вообще, и въ pendant къ выраженію „гусиное вино", мы можемъ назвать

императивно-аттрибутивную вѣтвь этики „гусиной этикой, но только не въ смыслѣ ироніи по адресу этой этики, а въ смыслѣ похвалы.

Великое достоинство и преимущество императивно-аттрибутивныхъ эмоцій и ассоціацій состоитъ именно въ той особой силѣ, неуклонности и рѣшительности мотиваціоннаго давленія, которыя сообщаются этическому сознанію моментомъ аттрибутивности и которыя дѣлаютъ соотвѣтственное поведеніе обычнымъ, заурряднымъ и само собою разумѣющимся и среди этической демократіи, „фариссеевъ и мытниковъ".

Если извѣстное соціально-разумное поведеніе, представленіе коего въ данной средѣ, напр., въ психикѣ какого-либо народа или совокупности народовъ, напр., христіанскихъ, первоначально сочеталось съ чисто императивными эмоціями, съ сознаніемъ, что такъ поступать хорошо и слѣдуетъ, но безъ сознанія того, что противное было бы лишеніемъ другого того, что ему слѣдуетъ, причитается отъ насъ; а затѣмъ эти эмоціонально-интеллектуальныя ассоціаціи (чисто императивное, нравственное сознаніе) превращаются въ правосознаніе, т. е. въ данной средѣ распространяются ассоціаціи того же поведенія уже съ императивно-аттрибутивными эмоціями, то это — шагъ впередъ, соціальный прогрессъ: то соціально-разумное и желательное въ качествѣ всеобщаго поведеніе, которое раньше было лишь спорадическимъ, соблюдалось лишь болѣе выдающимися этически людьми, признавалось особою заслугою и вызывало похвалу, а можетъ быть, и удивленіе, теперь становится эпидемическимъ, превращается въ „гусиную этику"—въ общее и правильное соціальное явленіе.

Исторія правосознанія и соціальной жизни новыхъ европейскихъ народовъ даетъ намъ многочисленные примѣры такихъ эволюцій. Воспринятая ими величественная христіанская этика, можно сказать, представляла собою богатѣйшій источникъ чисто императивныхъ пророческихъ предуказаній для образованія въ будущемъ множества императивно-аттрибутивныхъ принциповъ поведенія. И не мало такихъ первоначально чисто императивныхъ началъ

поведенія, которыя вытекали изъ общихъ принциповъ христіанской морали, постепенно, по частицамъ и кусочкамъ, дѣйствіемъ многовѣкового культурно-воспитательнаго процесса превратились въ твердыя императивно-аттрибутивныя психическія кристаллизаціи, въ желѣзный капиталъ правосознанія. Какъ ни жалко, напр., теперешнее международное право (т. е., съ точки зрѣнія нашей теоріи права, императивно-аттрибутивныя убѣжденія людей относительно того, на какое отношеніе къ себѣ и къ своимъ членамъ: посламъ, комбаттантамъ, мирнымъ гражданамъ и т. д., во время войны и мира имѣютъ притязаніе государства между собою), какъ оно ни близко еще къ положенію: homo homini lupus (человѣкъ человѣку волкъ) и какъ ни далеко оно отъ евангельскаго начала: homo homini frater (братъ), но и это еще очень варварское право содержитъ въ себѣ уже тысячи такихъ медленно и постепенно кристаллизовавшихся прочныхъ императивно-аттрибутивныхъ сочетаній, по поводу которыхъ можно сказать: уже часть пути отъ populus populo lupus къ populus populo frater сдѣлана, идемъ дальше! Куда дальше, насчетъ этого есть богатѣйшія указанія въ императивныхъ принципахъ морали любви и братства, въ тѣхъ принципахъ, которые освѣщали путь развитію правосознанія въ теченіе 19-ти вѣковъ и которые содержатъ еще много свѣта для грядущихъ вѣковъ; въ чемъ состоитъ самое движеніе впередъ, это видно изъ различія чисто императивныхъ и императивно-аттрибутивныхъ началъ и факторовъ поведенія.

Еще въ значительно большей степени сказанное относится къ внутренней жизни народовъ.

Здѣсь желѣзный капиталъ императивно-аттрибутивныхъ прочныхъ отложеній и частныхъ воплощеній великихъ этическихъ началъ стократъ обильнѣе. Мы только обыкновенно не замѣчаемъ и не цѣнимъ этихъ кристаллизацій, какъ мы не замѣчаемъ и не цѣнимъ воздуха, которымъ мы постоянно дышимъ и живемъ. И здѣсь еще предстоитъ великій путь дальнѣйшаго превращенія множества элементовъ великихъ императивныхъ началъ братства и любви въ императивно-аттрибутивныя отложенія,

Подобно тому, какъ можно только радоваться, когда великое слово превращается въ дѣло, прекрасный образъ становится плотью, такъ нельзя не привѣтствовать, когда великія этическія начала изъ сферы чисто императивной, безпритязательной психики переходятъ въ сферу императивно-аттрибутивной психики, подвергаются какъ бы процессу конденсаціи и окрѣпленія.

Что можно сказать о такихъ ученіяхъ и такой проповѣди, которыя направлены на дискредитированіе, подкопаніе и ослабленіе притязательной, правовой этики, какъ таковой? О такихъ ученіяхъ можно и должно сказать, что, если бы они проповѣдывались съ сознаніемъ и пониманіемъ психологіи морали и права, ихъ свойствъ, отношенія другъ къ другу и т. д., то они были бы великимъ грѣхомъ; при теперешнемъ же состояніи научно-психологической невыясненности природы и свойствъ этическихъ явленій и разныхъ ихъ видовъ—такія ученія представляютъ великое заблужденіе, капитальную ошибку. Осуществленіе замѣны императивно-аттрибутивной психики чисто императивной, даже если бы удалось какимъ-нибудь чудомъ временно создать такой подъемъ и напряженіе императивныхъ эмоцій, такой моральный энтузіазмъ, какой господствовалъ среди первобытныхъ христіанъ, означало бы возвращеніе къ такому состоянію, когда было еще только великое ученіе для руководства и постепеннаго воплощенія въ будущемъ.

Конечно, фактическое уничтоженіе и искорененіе императивно-аттрибутивной этики среди теперешнихъ народовъ и замѣна ея чисто императивными началами (къ счастью!) немыслимы. Но не только мыслима, а и вполнѣ естественна частичная дегенерація, ослабленіе авторитета, частичное разложеніе правосознанія подъ вліяніемъ ученій и проповѣди, на то направленныхъ, по мѣрѣ силы и вліянія такихъ ученій. Особенно легко достижимы такіе отрицательные результаты въ сферѣ такой общественной психики, которая и безъ того не отличается процвѣтаніемъ и силою правосознанія.

Путемъ анализа и сравненія психики разныхъ народовъ съ

точки зрѣнія проводимаго нами дуализма чисто императивной и императивно-аттрибутивной этики можно было бы убѣдиться, что общественная психика въ этомъ отношеніи можетъ быть весьма различна у различныхъ народовъ. У нѣкоторыхъ народовъ замѣчается особенно обильное развитіе императивно-аттрибутивныхъ сочетаній и особенно сильное дѣйствіе соотвѣтствующихъ эмоцій, богатое экстенсивное и интенсивное развитіе правосознанія, сознанія и уваженія своихъ и чужихъ правъ, склонности относиться къ нимъ, какъ къ чему-то святому, абсолютному и непоколебимому и т. д. У другихъ народовъ сравнительно большее значеніе имѣютъ и большимъ уваженіемъ пользуются добро и доброта въ чисто-императивномъ смыслѣ, милость, снисхожденіе и т. п., а императивно-аттрибутивныя нормы общежитія и права находятся въ сравнительномъ загонѣ или даже правосознаніе и экстенсивно слабо развито, и съ точки зрѣнія интенсивности правовыхъ эмоцій отличается дряблостью и отсутствіемъ энергіи.

Дѣло идетъ, впрочемъ, какъ показываетъ исторія, не о какихъ-то врожденныхъ особенностяхъ „національнаго духа,“ а о колебаніяхъ правовой психики, о подъемѣ ея или же паденіи или даже серьезномъ заболѣваніи и временной дегенераціи подъ вліяніемъ разныхъ факторовъ (о которыхъ, впрочемъ, здѣсь, до выясненія процесса развитія этическихъ интеллектуально-эмоціональныхъ сочетаній вообще и правосознанія въ особенности, еще невозможно подробнѣе высказаться). Читая, напр., Русскую правду, Псковскую, Новгородскую судныя грамоты и другіе памятники древне-русскаго права и не ограничиваясь при этомъ простымъ констатированіемъ интеллектуальнаго содержанія, а примѣняя психологическое толкованіе и анализъ съ точки зрѣнія императивно-аттрибутивной психики, нельзя не поставить такого діагноза, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ весьма здоровой, бодрой и крѣпкой, въ своемъ родѣ выдающейся и образцовой правовой психикой. Памятники послѣдующихъ періодовъ имѣютъ иной характеръ. Съ теченіемъ вѣковъ замѣчается ослабленіе и даже отчасти дегенерація правосознанія.

А между тѣмъ здоровье и сила этой вѣтви соціальной этики—необходимѣйшее условіе здоровья соціальныхъ „организмовъ" вообще, каковы бы ни были прочія условія ихъ жизни и развитія.

Чѣмъ менѣе данная общественная психика отличается развитіемъ и процвѣтаніемъ императивно-аттрибутивныхъ элементовъ этической жизни, тѣмъ настоятельнѣе необходимы усилія, направленныя на насажденіе и укрѣпленіе правосознанія, тѣмъ болѣе тотъ, кто, по дарованнымъ ему силамъ и генію своему, является учителемъ и властителемъ мысли и сердецъ среди народа и желаетъ внести не зло, а добро въ человѣчество, долженъ заботиться о томъ, чтобы пользоваться своимъ вліяніемъ не во вредъ, а на пользу и процвѣтаніе императивно-аттрибутивной этики.

VII. Отношеніе морали и права. Значеніе и цѣнность чисто императивной этики на ряду съ императивно-аттрибутивной.

Во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній по поводу взглядовъ, выраженныхъ въ предыдущихъ замѣчаніяхъ, необходимо оговориться:

Подчеркивая мотиваціонную силу и соціальную цѣнность императивно-аттрибутивнаго сознанія долга, я вовсе не имѣлъ въ виду сказать этимъ, чтобы чисто императивная вѣтвь человѣческой этики, мораль, какъ таковая, была чѣмъ-то лишнимъ или малоцѣннымъ въ жизни человѣческой. Напротивъ, мораль, какъ таковая, исполняетъ (на ряду и вмѣстѣ съ императивно-аттрибутивной этикой) въ общественной жизни и ея развитіи высокую миссію и важныя функціи:

1) На одну изъ великихъ заслугъ императивной этики указало косвенно уже предыдущее изложеніе. Чисто императивная этика является идеальнымъ предтечею императивно-аттрибутивной, правовой этики. Многое изъ того, что психика индивида и народа на данной ступени развитія не можетъ еще „вмѣстить" въ ка-

чествѣ императивно-аттрибутивнаго сознанія и соотвѣтствующаго поведенія, она способна бываетъ воспріять какъ нѣчто такое, на неуклонное исполненіе чего не можетъ быть притязанія, но что все-таки представляется добромъ, и къ чему слѣдуетъ, по мѣрѣ личныхъ силъ, стремиться. Такое сознаніе бываетъ среднимъ звеномъ между полнымъ отсутствіемъ сознанія долга (дѣлать что либо, не дѣлать или терпѣть) и развитіемъ сознанія, что такое поведеніе само собою разумѣется, какъ простое нелишеніе другого того, что ему причитается, на что онъ имѣетъ основательное притязаніе. Мы сказали выше, что великое слово нѣчто меньшее нежели то же великое слово, которое сдѣлалось уже плотью, но поскольку великое слово является условіемъ и подготовленіемъ своего воплощенія, оно уже потому имѣетъ великую цѣнность. Евангельское ученіе—чисто императивное ученіе (и это важно знать и понимать для правильнаго его толкованія), такъ что если изъ него теперь, напр., выводятся непосредственно разныя права и притязанія для неимущихъ классовъ и т. п., то это недоразумѣніе и существенное искаженіе смысла ученія, но тѣмъ не менѣе это—своего рода иллюстрація и подтвержденіе нашей мысли объ отношеніи морали къ правосознанію,

2. Когда то, что первоначально было предметомъ только чисто императивнаго сознанія долга, затѣмъ появляется и въ сферѣ императивно - аттрибутивной этики, возводится въ право (только интуитивное или же и позитивное), то это вовсе не значитъ, что соотвѣтственныя чисто императивныя ассоціаціи теперь уже излишни и перестаютъ имѣть значеніе.

Прежде всего слѣдуетъ съ чисто теоретической точки зрѣнія отмѣтить, что было бы весьма ошибочно и ненаучно представлять себѣ отношеніе чисто императивныхъ и императивно-аттрибутивныхъ этическихъ явленій такъ, что съ образомъ извѣстнаго поведенія у отдѣльнаго индивида или въ народныхъ массахъ могутъ сочетаться или односторонне императивныя, моральныя эмоціи или же императивно-аттрибутивныя, правовыя эмоціи такъ, что одно исключаетъ другое, и развитіе въ данной индивидуальной

или общественной психикѣ императивно-аттрибутивныхъ убѣжденій относительно извѣстнаго рода поступковъ тѣмъ самымъ вытѣсняетъ и сдаетъ въ архивъ исторіи односторонне-императивныя убѣжденія относительно того же поведенія.

Такое представленіе было бы, повторяю и подчеркиваю, существеннымъ недоразумѣніемъ, весьма ненаучнымъ представленіемъ. Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ совершенно иначе, и въ этомъ каждый, при нѣкоторомъ умѣніи разбираться въ своихъ же психическихъ переживаніяхъ, легко можетъ убѣдиться путемъ самонаблюденія.

Вообще представленія разныхъ видовъ поступковъ могутъ сочетаться и обыкновенно сочетаются въ нашей психикѣ (въ сферѣ психическихъ диспозицій) съ разными эмоціями, такъ что въ духовной сокровищницѣ (диспозицій) можно найти сочетанія образовъ (слѣдовъ) одного и того же поведенія съ различиыми эмоціями (эмоціональными диспозиціями). Напр., у человѣка, не лишеннаго эстетическаго вкуса и воспитанія, т. е. такого человѣка, который обладаетъ достаточно развитой (въ смыслѣ экстенсивности и интенсивности) системой эмоціонально-интеллектуальныхъ сочетаній эстетическаго порядка (ср. выше разд. II), представленія такихъ видовъ поведенія, какъ мошенничество, ложь, мелкое завистничество и т. д., обыкновенно бываютъ ассоціированы съ болѣе или менѣе сильными отталкивающими эстетическими эмоціями, и онъ усматриваетъ въ такомъ поведеніи, какъ проявленіе мелкой зависти, лживые извороты и т. п., нѣчто крайне некрасивое, безобразное. Бываютъ такіе субъекты, у которыхъ правосознаніе и моральное сознаніе находятся въ состояніи большаго или меньшаго разслабленія и дегенераціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ сильно развита, даже находится въ состояніи гипертрофіи эстетическая эмоціональная психика; и такіе люди (эстеты-дегенеранты) воздерживаются отъ извѣстныхъ поступковъ, отъ которыхъ бы ихъ не удержало уваженіе къ праву ближняго или чисто императивное сознаніе, потому, что противъ соотвѣтственнаго поведенія возстаютъ въ ихъ психикѣ эстетическія эмоціи,

отвергая его, какъ нѣчто безобразное, не эстетическое, пошлое, тривіальное. Такая психика лежитъ, напр., въ основѣ ученія древняго софиста Калликла и, буквально повторяющаго его ученіе, новаго софиста-дегенеранта Ницше, а равно въ основѣ совершенно того же міросозерцанія, повторяющагося у Маккіавелли. Типы императора-художника-преступника Нерона, Борджіа и. т. д.— дальнѣйшіе примѣры. Для такихъ дегенерантовъ преступленіе легко совершить, но только преступленіе это должно быть грандіознымъ, эстетически выдающимся. У нормальныхъ же людей противъ такихъ поступковъ, какъ мошенничество, завистническсе поведеніе, возстаютъ не только эстетическія эмоціи, но и мистическо-авторитетныя запретительныя эмоціи, которыя мы описали выше и назвали этическими.

Иногда, особенно у людей, хотя и свободныхъ отъ болѣзни эстетической дегенераціи, но отличающихся особенно развитою эстетическою эмоціональною чуткостью, выступаетъ на первый планъ эстетическое, иногда же этическое свойство даннаго внутренняго или внѣшняго поведенія, напр., завистливости,—смотря по обстоятельствамъ дѣла, настроенію и т. п.

Всматриваясь далѣе въ тѣ этическія эмоціи, которыя возстаютъ въ нашей психикѣ и строго порицаютъ и отвергаютъ такое поведеніе, какъ ложь, обманъ, разные поступки, вызываемые скверной и отвратительной эмоціей зависти и т. п., мы далѣе констатируемъ, что соотвѣтственные процессы иногда принадлежатъ къ чисто моральной, иногда же къ правовой психикѣ. Въ случаѣ напр., негодующаго восклицанія,—„Онъ имѣлъ право узнать отъ нея всю правду!“—естественно поставить такой діагнозъ, что ложь или даже только несообщеніе истины привело въ воспалительное состояніе правовую психику негодующаго, возбудило въ немъ сильную императивно-аттрибутивную эмоцію (а не чисто императивную этическую, или эстетическую эмоцію). Точно также разнаго рода завистливые поступки часто приводятъ въ нашей психикѣ въ дѣйствіе и даже въ остро-воспалительное состояніе именно аттрибутивныя, правовыя эмоціи, если, напр.,

кто либо изъ зависти не признаетъ за другими или прямо и умышленно лишаетъ другого того, что ему, по нашему убѣжденію несомнѣнно, причитается и на что онъ по всей справедливости (по нашему интуитивному праву) можетъ притязать. Иногда же мы отвергаемъ ложь, обманъ, завистливое отношеніе къ другому и соотвѣтственное поведеніе чисто императивно, безъ всякаго сознанія и мысли о чьихъ-либо основательныхъ притязаніяхъ, о лишеніи другого того, что ему слѣдовало и т. д.

Отсюда видно, что зависть, ложь, обманъ могутъ имѣть въ нашей психикѣ нѣсколько эмоціональныхъ, болѣе или менѣе неумолимыхъ и неподкупныхъ враговъ: эстетическія эмоціи, моральныя эмоціи, правовыя эмоціи...

Выражаясь технически: слѣды, диспозиціи разныхъ представленій поведенія могутъ повторяться въ нашей психикѣ въ разныхъ эмоціонально-интеллектуальныхъ соединеніяхъ одновременно: ассоціація: обманъ + эстетическая отталкивающая эмоція вовсе не исключаютъ возможности существованія и дѣйствія ассоціаціи: обманъ + односторонне императивная репульсивная этическая эмоція, и наличность такихъ двухъ духовныхъ драгоцѣнностей вовсе не исключаетъ еще третьей: обманъ + императивно-аттрибутивная эмоція (наши ближніе имѣютъ право на то, чтобы мы не нарушали ихъ довѣрія, не обманывали).

Кромѣ эмоцій, непосредственно ассоціированныхъ съ даннымъ образомъ поведенія и дѣйствующихъ противъ (или въ пользу) соотвѣтственныхъ поступковъ, послѣдніе могутъ, въ конкретныхъ случаяхъ, встрѣтить оппозицію (или поддержку) еще со стороны разныхъ эмоцій, вызываемыхъ представленіями вѣроятныхъ послѣдствій даннаго поведенія; напр., противъ обмана въ конкретномъ случаѣ можетъ одновременно дѣйствовать еще эмоція страха, боязни скандала и позора или иныхъ непріятныхъ послѣдствій, въ случаѣ разоблаченія обмана: на ряду съ принципіальной мотиваціей разныхъ видовъ можетъ оказаться въ наличности и дѣйствовать въ помощь еще и телеологическая (цѣлевая) мотивація (разнаго рода: гедонистическая, утилитарная и т. д., ср. выше разд. I).

Съ точки зрѣнія достиженія разумнаго и объективно желательнаго поведенія отъ людей, возможность альтернативнаго или и кумулятивнаго, соединеннаго дѣйствія разныхъ эмоцій противъ нежелательнаго или въ пользу желательнаго поведенія представляетъ чистый плюсъ. Чѣмъ больше внутреннихъ эмоціональныхъ враговъ у зловреднаго поведенія, тѣмъ лучше; чѣмъ больше эмоціональныхъ силъ дѣйствуетъ на пользу разумнаго поведенія, тѣмъ лучше. Бываютъ разные характеры у людей и разныя искушенія въ жизни. Иногда достаточно одного какого либо принципа поведенія (въ смыслѣ, указанномъ въ разд. I.), чтобы фактически вызвать соотвѣтственный поступокъ, а иногда очень необходимы вспомогательныя войска, напр., если данный принципъ эмоціонально слабѣе, нежели имѣющійся на лицо врагъ (искушеніе отступить отъ принципа).

Поэтому и констатированное выше, съ теоретической точки зрѣнія, психическое явленіе одновременнаго нахожденія въ сокровищницѣ индивидуальнаго духа и императивныхъ, и императивно-аттрибутивныхъ ассоціацій, касающихся нѣкоторыхъ видовъ поступковъ, мы, съ точки зрѣнія практической, можемъ только привѣтствовать. Поэтому, съ точки зрѣнія педагогики, мы бы рекомендовали родителямъ и прочимъ воспитателямъ заботиться о развитіи у ввѣренныхъ ихъ попеченію дѣтей крѣпкой императивно-аттрибутивной психики, уваженія къ правамъ сверстниковъ, старшихъ, напр., няни, прислуги и ближнихъ вообще, сознанія святости извѣстныхъ правъ и требованій справедливости и т. д., но въ то же время не упускать изъ виду и укрѣпленія чисто моральныхъ принциповъ, въ томъ числѣ и такихъ, которые касаются тѣхъ же областей поведенія.

Эстетика поведенія вообще менѣе надежная сила для разумнаго направленія поведенія и жизни; она имѣетъ свои капризы и подчасъ даже весьма темныя стороны, и давать эстетизму первое мѣсто или сильное преобладаніе въ воспитаніи было бы большою и весьма опасною ошибкою. Но, при надлежащемъ развитіи правового и моральнаго сознанія, подкрѣпленіе этихъ силъ

со стороны надлежаще направленной и не гипертрофированной эстетики тоже можно только привѣтствовать, особенно, если послѣдняя не ограничивается чисто внѣшними формами, а направлена путемъ раціональнаго воспитанія и на существо и внутреннюю сторону поведенія, вообще сдѣлана по возможности союзникомъ разумнаго моральнаго и правового сознанія.

Точно также и развитіе т. н. „благоразумія" и цѣлесообразной разсчетливости (телеологической мотиваціи), — по теперь весьма распространеннымъ ученіямъ, между прочимъ, единственной силы, направляющей наше сознательное поведеніе, а по нашей теоріи, одного изъ многихъ факторовъ поведенія, — можно, при раціональномъ воспитаніи, въ извѣстныхъ предѣлахъ направить такъ, чтобы и здѣсь имѣлся союзникъ правовому и моральному сознанію. Я оговорился „въ извѣстныхъ предѣлахъ", и склоненъ добавить, „въ сравнительно скромныхъ предѣлахъ", потому что личное благоразуміе и разсчетливость еще болѣе, нежели эстетика, склонны расходиться съ обоими видами этики, и полнаго союзничества между ними, по крайней мѣрѣ при теперешнихъ условіяхъ соціальной жизни, не можетъ быть. Внушеніе же ребенку или кому бы-то ни было, такого совпаденія было бы или наивностью, или сознательнымъ обманомъ. И то, и другое ниже критики съ педагогической точки зрѣнія, а второе къ тому же само по себѣ недостойно. Читая руководства и монографіи по этикѣ, подчасъ поневолѣ задаешься вопросомъ, дѣйствительно-ли авторъ столь наивенъ, что вѣритъ въ то, что онъ пишетъ относительно полезности этическаго поведенія для субъекта этого поведенія, или же онъ очень плохого мнѣнія относительно умственныхъ способностей читателей. Строить этику на такой почвѣ, въ частности внушать дѣтямъ подобныя наивности означаетъ быть такимъ другомъ этики, который много опаснѣе врага. Напротивъ, слѣдуетъ личное „благоразуміе" и т. п., съ одной стороны, этику, съ другой стороны, ясно и отчетливо противопоставлять и не бояться такихъ сообщеній и по адресу дѣтей, при прочемъ сознательномъ и разумномъ отношеніи къ дѣлу воспитанія.

Тѣмъ не менѣе правда и то, что подчасъ люди болѣе гадко ведутъ себя, чѣмъ это соотвѣтствуетъ ихъ личнымъ интересамъ и сами же своею подлостью и низостью спѣшатъ погубить себя, въ частности, напр., своимъ карьеризмомъ, угодливостью, пройдошествомъ губятъ свою же карьеру, пріобрѣтаютъ презрѣніе даже со стороны тѣхъ самыхъ лицъ, которыхъ они надѣялись склонить въ свою пользу безпринципною угодливостью, и т. п. Поэтому, какъ мы уже указали выше, „благоразуміе“ „въ извѣстныхъ предѣлахъ“ тоже можетъ быть союзникомъ болѣе высокихъ началъ жизни и поведенія.

Въ другомъ мѣстѣ мы надѣемся подробнѣе заняться тѣми послѣдствіями, которыя вытекаютъ изъ нашей теоріи разныхъ видовъ мотиваціи для воспитанія, при чемъ намъ придется имѣть дѣло не столько съ воспитаніемъ дѣтей, сколько съ воспитаніемъ народа, т. е. съ проблемами разумной и сознательной политики, главнымъ образомъ, законодательной политики. Что же касается предыдущихъ краткихъ замѣчаній, то они имѣли только цѣлью выразить и иллюстрировать (во избѣжаніе недоразумѣній) нашъ взглядъ на отношеніе моральной и правовой психики въ тѣхъ областяхъ поведенія, гдѣ эти двѣ великія силы существуютъ одновременно и дѣйствуютъ, смотря по обстоятельствамъ, альтернативно или въ союзѣ другъ съ другомъ.

3. Но главное соображеніе, совершенно исключающее мысль о ненадобности чисто императивныхъ эмоцій и убѣжденій при надлежащемъ развитіи императивно-атрибутивной вѣтви человѣческой этики, состоитъ въ томъ, что есть такія области поведенія, для которыхъ возможна, а во всякомъ случаѣ разумна и желательна только чисто императивная, а отнюдь не императивно-аттрибутивная нормировка.

Есть не мало такихъ чисто императивныхъ принциповъ поведенія, которые имѣютъ разумный смыслъ именно только въ качествѣ чисто императивныхъ нормъ, только въ качествѣ нормъ, внушающихъ намъ извѣстное поведеніе, но отнюдь не дающихъ другимъ соотвѣтственныхъ притязаній или полномочій, такъ что пре-

вращеніе ихъ въ притязательныя нормы, привнесеніе соотвѣтственныхъ притязаній или полномочій для другихъ по отношенію къ обязаннымъ, превратило бы ихъ въ болѣе или менѣе неразумныя правила или даже въ явные и поразительные абсурды.

Такъ, напр., разныя чисто императивныя нормы, рекомендующія, въ случаѣ причиненія намъ зла, воздавать злодѣямъ добромъ, получили бы весьма уродливый характеръ, если бы они превратились въ императивно-аттрибутивныя нормы, надѣляющія дѣлающихъ зло притязаніемъ на положительную награду, на воздаяніе имъ добромъ за это. Между прочимъ, примѣненіе чисто императивныхъ нормъ о воздаяніи добромъ за зло можетъ вызвать и вызываетъ подчасъ великое нравственное потрясеніе и сокрушеніе въ сдѣлавшемъ зло, но, къ великому своему удивленію, встрѣчающемъ вмѣсто ожидавшейся злостной реакціи совершенно противоположное отношеніе: такое удивленіе, потрясеніе и сокрушеніе и вообще разумный смыслъ упомянутыхъ нормъ обусловливается именно ихъ строго и чисто императивнымъ характеромъ, не допускающимъ и мысли о томъ, чтобы въ случаѣ причиненія зла содѣявшему причиталось бы за это отъ обиженнаго полученіе добра.

Точно также нормы, предписывающія подвиги терпѣнія гоненій за вѣру и правду и вообще нормы о терпѣніи злостныхъ дѣйствій со стороны другихъ, имѣютъ только при томъ условіи разумный и возвышенный смыслъ, что онѣ строго и чисто императивны; что онѣ, предписывая однимъ терпѣть что-либо со стороны другихъ, этимъ отнюдь не надѣляютъ этихъ другихъ правомъ на соотвѣтственныя дѣйствія, напр., на распинаніе другихъ на крестѣ за ихъ вѣру, и т. п.

Нормы, направленныя противъ гордости и предписывающія смиреніе, смиренное поведеніе по отношенію къ ближнимъ, получили бы нелѣпый характеръ и противорѣчивый смыслъ, если бы вообразить ихъ въ качествѣ императивно-аттрибутивныхъ нормъ, т. е. такихъ нормъ, которыя бы, предписывая покорность и смиреніе по адресу ближнихъ, въ то же время надѣляли ближнихъ притязаніемъ на покорное и смиренное къ нимъ отношеніе. Такія

нормы доставляли бы авторитетную санкцію и смиренію, и противоположному смиренію—гордости и высокомѣрію; онѣ бы сами разрушали то, къ чѣму онѣ стремятся.

Число подобныхъ примѣровъ можно было бы значительно умножить, но это представляется намъ излишнимъ, ибо, уразумѣвъ различіе односторонне императивныхъ и императивно-аттрибутивныхъ эмоцій и нормъ, всякому легко сообразить a priori, что разумность извѣстнаго практическаго принципа, какъ чисто императивнаго, отнюдь не означаетъ, что и соотвѣтственный императивно-аттрибутивный принципъ непремѣнно долженъ быть разумнымъ и желательнымъ. Односторонняя обязательность и притязательная обязательность двѣ совершенно различныя психологическія величины, имѣющія различное вліяніе на человѣческое поведеніе, на образованіе характера и т. д., и выводъ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, изъ того, что извѣстное правило поведенія разумно въ качествѣ императивной нормы, того послѣдствія, что, стало быть, раціонально и желательно и соотвѣтственное императивно-аттрибутивное начало, былъ бы, по меньшей мѣрѣ, легкомысленнымъ и поспѣшнымъ.

Во многихъ случаяхъ появленіе въ психикѣ индивидуальной или народной извѣстнаго императивно-аттрибутивнаго убѣжденія на ряду съ касающимся того же поведенія императивнымъ убѣжденіемъ — шагъ впередъ и даже подчасъ великій шагъ впередъ, великій прогрессъ, и это мы старались уяснить и подчеркнуть выше въ раздѣлѣ V, указывая въ частности на то, что этимъ соотвѣтственное поведеніе изъ спорадической „заслуги" (исключенія) можетъ быть превращено въ „эпидемическое" поведеніе, въ «гусиное вино» соціальной жизни.

Но это касается отнюдь не всѣхъ этическихъ принциповъ. Для многихъ изъ нихъ снабженіе аттрибутивной силой означало бы изуродованіе ихъ.

VIII. Сознаніе своего права и активная этическая мотивація.

Аттрибутивная сила императивно-аттрибутивнаго сознанія долженствованія оказываетъ мотиваціонное вліяніе на наше поведеніе и въ тѣхъ случаяхъ, когда мы соотвѣтствующее сознаніе переживаемъ въ качествѣ сознанія чужой обязанности по отношенію къ намъ, въ качествѣ нашего права по отношенію къ другимъ (когда мы долгъ проектируемъ на другихъ, а его активную принадлежность на насъ самихъ). Моторное дѣйствіе императивно-аттрибутивной эмоціи имѣетъ въ этихъ случаяхъ характеръ подбадривающаго и авторитетно санкціонирующаго побужденія къ такому поведенію, какое соотвѣтствуетъ содержанію нашего права: соотвѣтствующее поведеніе представляется намъ санкціонированнымъ высшимъ авторитетомъ аттрибутивной нормы. И чѣмъ интенсивнѣе дѣйствіе соотвѣтствующей эмоціи, чѣмъ сильнѣе мистическо-авторитетный характеръ аттрибуціи, чѣмъ „святѣе" и несомнѣннѣе представляется намъ наше право, тѣмъ сильнѣе эта (активная этическая) мотивація, тѣмъ бодрѣе, увѣреннѣе и рѣшительнѣе нашъ образъ дѣйствія.

Самонаблюденіе и наблюденіе поведенія другихъ подтверждаютъ высказанное положеніе на каждомъ шагу; при внимательномъ наблюденіи мы могли бы подмѣтить также своеобразное вліяніе соотвѣтствующихъ эмоцій на осанку, походку, голосъ, выраженіе лица: прямая осанка, голова поднята, голосъ звучитъ твердо и т. д.[1]).

---

[1]) Замѣчанія текста касаются мирнаго осуществленія своего права. Если тотъ, кого приписывающій себѣ извѣстное право считаетъ обязаннымъ, отказывается добровольно доставить удовлетвореніе права, то притязательная природа правовой психики ведетъ къ тому, что въ такихъ случаяхъ проявляется тенденція добыть себѣ причитающееся независимо отъ воли и усмотрѣнія, эвентуально противъ воли обязаннаго (слѣдствіемъ аттрибутивной природы права является особое значеніе принужденія въ сферѣ права). Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ природы правосознанія является особое, подчасъ весьма острое и ведущее къ кровопролитію, раздраженіе

Если право наше имѣетъ своимъ предметомъ полученіе чего либо, напр., извѣстной суммы денегъ, отъ другого, то мы не стѣсняемся взять то, что намъ причитается (это не милостыня, не благодѣяніе); напротивъ, мы спокойно принимаемъ соотвѣтственный объектъ, какъ намъ должное, эвентуально являемся за полученіемъ съ авторитетнымъ ожиданіемъ и требованіемъ платежа. Типическое поведеніе кредитора, управомоченнаго, совсѣмъ иное, нежели того, кто получаетъ что либо ему не причитающееся (напр., нищаго и проч.).

Если право наше направлено на то, чтобы другой или другіе терпѣли извѣстныя дѣйствія съ нашей стороны, если мы имѣемъ по отношенію къ другимъ право дѣлать что либо, то мы увѣренно совершаемъ соотвѣтственныя дѣйствія, какъ нѣчто санкціонированное высшимъ авторитетомъ нормы, чему другіе должны покорно подчиниться,—хотя бы, напр., дѣйствующій былъ „маленькій человѣкъ", а обязанный допускать, терпѣть эти дѣйствія—„важная персона".

Вообще крѣпкое и здоровое сознаніе своего права ставитъ въ подлежащей сферѣ человѣка наравнѣ или выше и такихъ лицъ, которыя въ другихъ областяхъ представляются данному субъекту выше его стоящими. И „баринъ" не баринъ даже для лакея, гдѣ дѣло идетъ о его (лакея) правахъ, если у него здоровое и сильное правосознаніе. Право „не взираетъ на лица", поднимаетъ малыхъ до высоты „великихъ" міра сего.

Поэтому, между прочимъ, здоровое эмоціонально достаточно интенсивное сознаніе своихъ правъ оказываетъ на человѣка то важное воспитательное вліяніе, что оно дѣлаетъ его „гражданиномъ" по характеру, сообщаетъ ему чувство и сознаніе собственнаго достоинства и предохраняетъ его отъ развитія разныхъ дефек-

---

на сторонѣ управомоченнаго (и другихъ, напр., его сородичей, друзей) въ случаяхъ нарушенія своихъ обязанностей со стороны субъекта правового долга. Объ этихъ явленіяхъ и ихъ послѣдствіяхъ для структуры и развитія права, о необходимости однообразнаго гетерономнаго правового шаблона (позитивнаго права), судовъ и т. д. для предупрежденія и разрѣшенія конфликтовъ см. «Очерки философіи права» I, стр. 23 и сл.

товъ характера и поведенія, связанныхъ съ отсутствіемъ надлежащаго сознанія собственнаго достоинства и уваженія къ самому себѣ.

Между прочимъ, совокупность тѣхъ темныхъ чертъ характера, которыя мы имѣемъ въ виду, и отсутствіе тѣхъ желательныхъ чертъ характера, которыя связаны съ сознаніемъ собственнаго достоинства и должною мѣрою самоуваженія,—традиціонно обозначаются выраженіями „рабская, холопская душа“ (ср. также выраженіе „сервилизмъ“ отъ servus—рабъ) и т. п. Эти выраженія—своего рода историческіе документы, которые очень много говорятъ, очень важное сообщаютъ и выясняютъ. Специфическая особенность рабства и отличіе его отъ иныхъ съ перваго взгляда сходныхъ явленій, напр., отъ семейственной и родовой подвластности (patria potestas, manus mariti, отеческой власти, власти мужа, имѣвшихъ въ прежнее время весьма абсолютный характеръ, включая право жизни и смерти властителя по отношенію къ подвластнымъ), состоитъ въ томъ, что рабы — были безправныя существа. Сообразно съ этимъ рабская психологія, напр., въ Греціи, Римѣ и т. д., отличалась особыми чертами, особымъ характеромъ, не похожимъ на характеръ психики полноправныхъ гражданъ (въ томъ числѣ и тѣхъ, которые были подвержены весьма абсолютной власти римскихъ „патріарховъ“, patres familias, такъ называемыхъ „сыновъ семейства“ и „дочерей семейства“, куда относились и жены, хотя бы очень почтенныя „матроны“). Знаменитое римское „Civis romanus sum!“ (Я полноправный римскій гражданинъ! civitas означаетъ полноправность) указываетъ на особый типъ характера и обычный habitus поведенія; „рабская душа“ (anima servilis), „холопская душа“ означаютъ противоположный типъ характера. Сохраненіе выраженій изъ исторіи рабства до настоящаго времени для обозначенія особой совокупности темныхъ чертъ характера показываетъ, сколь вредно для воспитанія характера отсутствіе сознанія своихъ правъ, сколь важны для здороваго развитія характера наличность и дѣйствіе этого сознанія.

Родители и воспитатели должны вообще обращать серьезнѣйшее вниманіе на развитіе въ дѣтяхъ сильной и живой правовой

психологіи; имъ слѣдуетъ заботиться о внушеніи дѣтямъ не только нравственности, но и права; при томъ важно развитіе т. ск. обѣихъ сторонъ права, внушеніе правъ другихъ и ихъ святости-сильнаго уваженія къ нимъ, но точно также и собственныхъ (воспитываемаго) правъ и уваженія къ нимъ. Надлежащее развитіе сознанія и уваженія чужихъ правъ даетъ твердую опору для надлежащаго, отдающаго должное, отношенія къ ближнимъ (въ томъ числѣ для надлежащаго уваженія къ личности другихъ); развитіе сознанія собственныхъ правъ сообщитъ воспитаннику надлежащее личное достоинство и связанныя съ этимъ черты характера (открытость, прямоту...). Воспитаніе „безъ права“ даетъ въ результатѣ отсутствіе прочной этической почвы и гарантіи противъ житейскихъ искушеній (разд. VI), а что касается спеціально отношенія къ человѣческой личности чужой и своей, то естественный продуктъ такого воспитанія — „рабская душа“ и вмѣстѣ съ тѣмъ неуваженіе чужой личности, деспотизмъ и самодурство.

Развитіе надлежащаго активнаго правосознанія, сознанія собственныхъ правъ, важно въ педагогикѣ и съ точкп зрѣнія развитія житейской (хозяйственной и т. д.) дѣльности. Оно сообщаетъ необходимую для жизни твердость и увѣренность, энергію и предпріимчивость. Если ребенокъ воспитывается въ атмосферѣ произвола, хотя бы и очень благожелательнаго и милостиваго, если ему не выдѣляется извѣстная сфера правъ (хотя бы скромнаго, дѣтскаго характера), на незыблемость которыхъ онъ можетъ надѣяться, то онъ не пріучится строить и выполнять съ увѣренностью житейскіе планы. Въ частности въ экономической области не будетъ надлежащей увѣренности, смѣлости и предпріимчивости, а будетъ скорѣе апатія, дѣйствованіе на авось, ожиданіе благопріятныхъ „случаевъ“, помощи со стороны, милостей, подачекъ и т. п.

Сказанное о воспитаніи дѣтей относится и къ воспитанію народа и къ могучему средству этого воспитанія — къ политикѣ права, къ законодательной политикѣ.

Отъ структуры (оффиціальнаго) права и направленія законодательной политики, въ частности и въ особенности отъ прове-

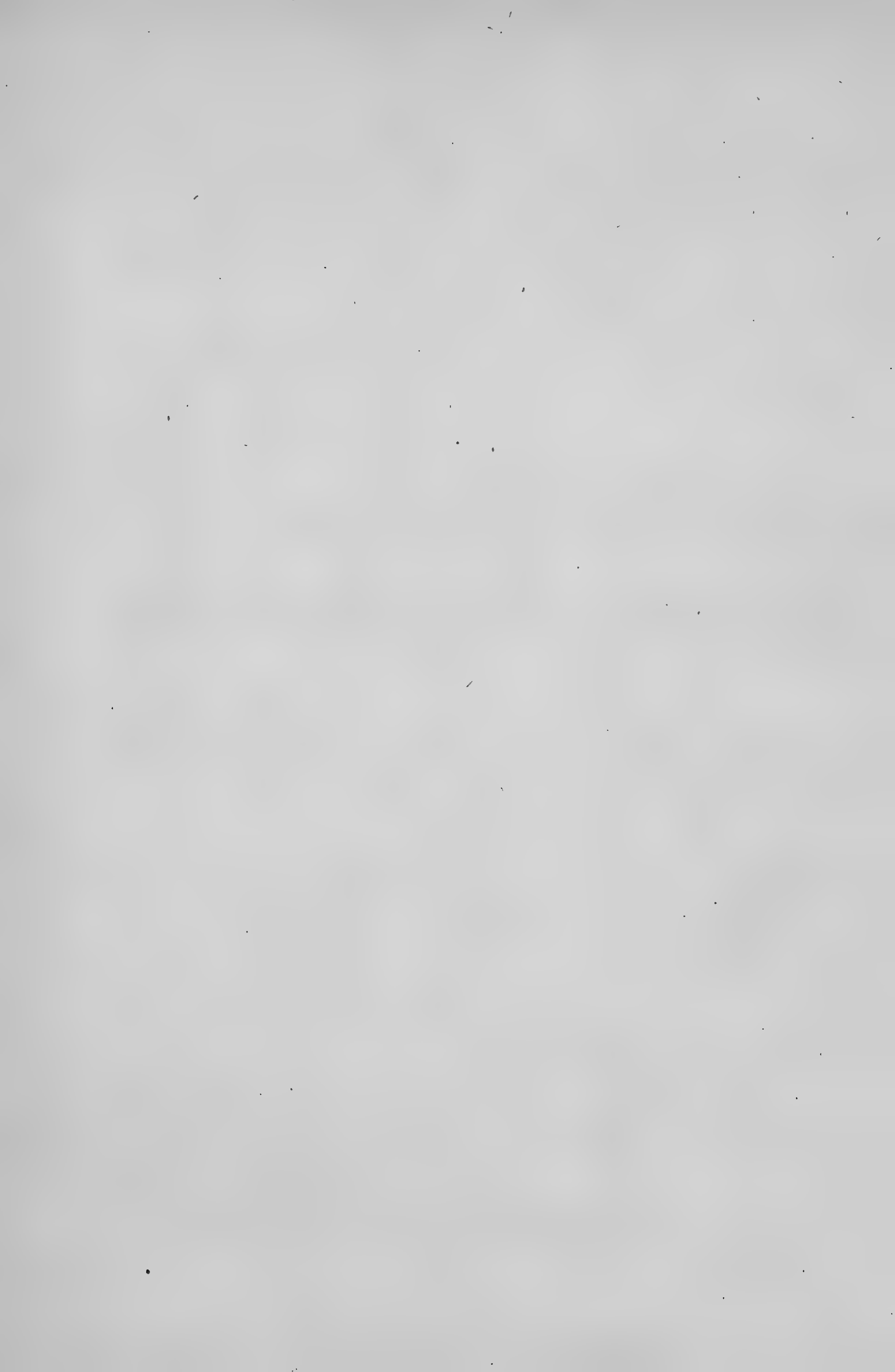
денія принципа законности, отъ надлежащаго развитія системы субъективныхъ правъ вмѣсто ожиданія милостиваго усмотрѣнія, отъ твердости и незыблемости правъ, гарантіи противъ произвола и т. д.,—въ высокой степени зависитъ развитіе типа „гражданина", какъ особаго идеальнаго характера, экономической дѣльности, энергіи и предпріимчивости въ народныхъ массахъ и т. д.

Весьма поверхностно и ненаучно было бы думать, что экономическое недомоганіе или процвѣтаніе страны зависитъ отъ того или иного направленія „покровительственной" или иной экономической политики, напр., отъ того, кому оказываются „покровительство" и разныя „воспособленія" въ сферѣ таможенной, податной политики, въ сферѣ разныхъ техническихъ и спеціальныхъ мѣръ по адресу той или иной отрасли народнаго труда и т. п.

Экономическое недомоганіе и процвѣтаніе зависитъ отъ характера милліоновъ субъектовъ хозяйственной дѣятельности, отъ типа „хозяевъ", отъ ихъ энергіи, предпріимчивости, умѣнія смѣло и увѣренно задумывать и исполнять хозяйственные планы, полагаться на себя, а не на „авось" и проч. А для воспитанія этихъ чертъ характера существеннымъ условіемъ является законность, пропитаніе всѣхъ областей соціальной жизни, въ томъ числѣ и экономической, п р а в о м ъ.

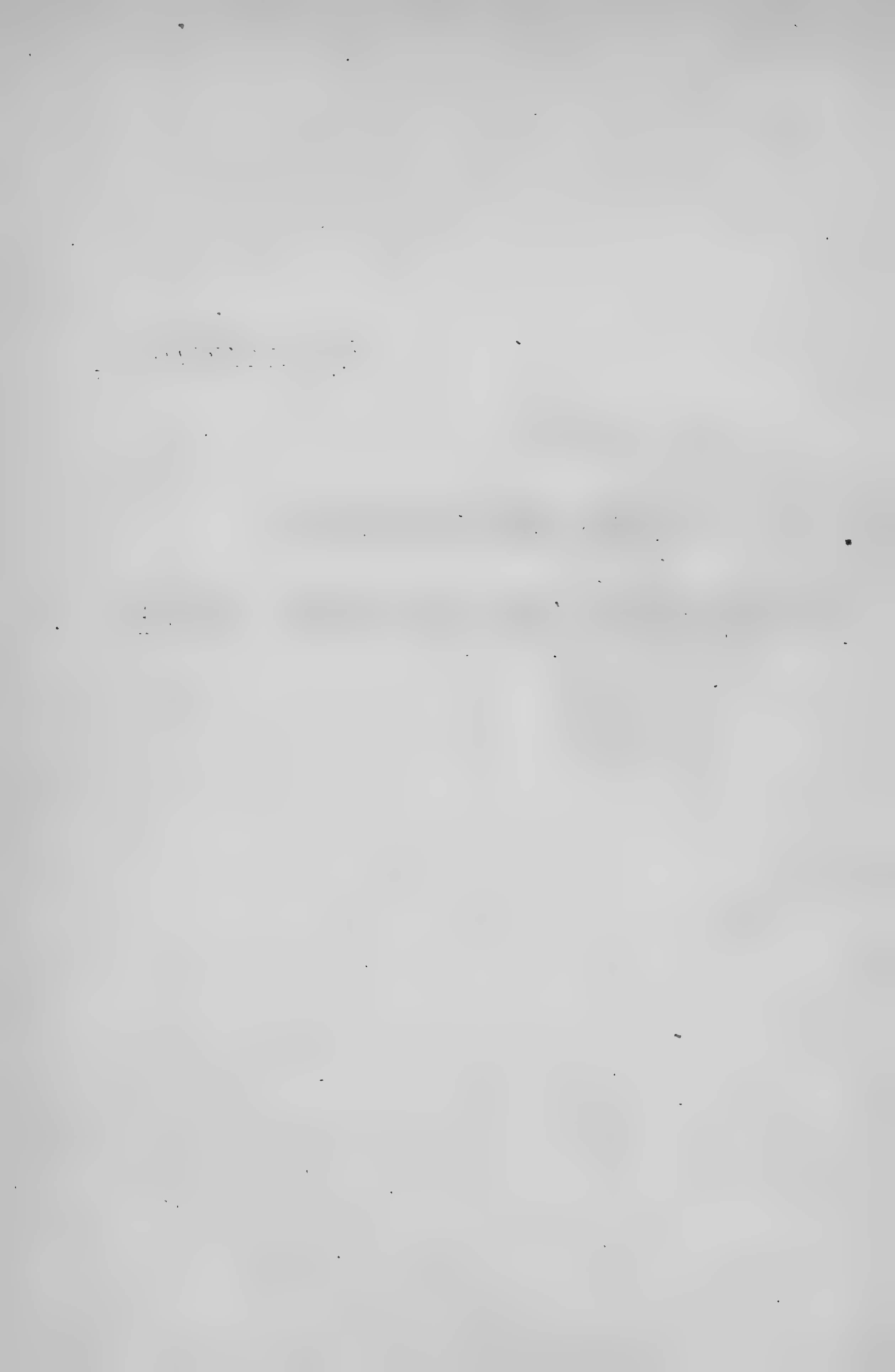
По поводу вліянія активнаго правосознанія и его вліянія на характеръ „гражданъ", на развитіе сознанія собственнаго достоинства и прочихъ чертъ характера, противоположныхъ характеру „рабской души", мы не можемъ не вспомнить еще разъ объ ученіяхъ и проповѣди, направленныхъ противъ права и правосознанія, и не подчеркнуть еще разъ, что такія ученія и такая проповѣдь весьма ошибочны.

Чисто моральная, безпритязательная психика очень высокая и идеальная психика, но она требуетъ для нормальнаго и здороваго развитія характера еще другой, притязательный, правовой психики. Безъ такого дополненія или правильнѣе безъ такого (императивно-аттрибутивнаго) фундамента нѣтъ здоровой этики, а существуетъ почва для разныхъ, подчасъ отвратительныхъ, уродливостей.

Приложенiе.

Право собственности и соцiальное распредѣленiе благъ.

Безъ знанія и принятія во вниманіе императивно-атрибутивной правовой психики и ея моторнаго дѣйствія нѣтъ и не можетъ быть пониманія человѣческой жизни, индивидуальнаго и массоваго поведенія, психическихъ пружинъ и причинъ экономическихъ и иныхъ общественныхъ процессовъ и ихъ исторіи.

Экономическіе процессы, производство, обращеніе, потребленіе опредѣляются данною системою соціальнаго распредѣленія хозяйственныхъ благъ, въ частности и въ особенности земли и иныхъ орудій производства *). Такъ, напр. „капиталистическое" производство и вообще „капиталистическій строй" народнаго хозяйства покоится на системѣ распредѣленія, состоящей въ закрѣпленіи участковъ плодородной земли и иныхъ орудій производства въ частное обладаніе. Основою т. н. „капиталистическаго строя" является частная собственность. Но что такое собственность и какъ объяснить себѣ соотвѣтствующее соціальное распредѣленіе, какими силами орудія производства и иныя хозяйственныя блага распредѣлены и закрѣплены за разными лицами, и въ чемъ состоитъ это закрѣпленіе?

Люди такъ привыкли къ явленію собственности, что для нихъ обыкновенно здѣсь не возникаетъ никакихъ проблемъ; то

---

*) Ср. L. v. Petrażycki, Lehre v. Einkommen II B. Anhang

явленіе, что имѣнія и разные другіе предметы словно какими то невидимыми цѣпями или иною невидимою связью закрѣплены за опредѣленными лицами и словно невидимою оградою отдѣлены отъ другихъ, ограждены отъ ихъ доступа, прикосновенія и т. д., наивному мышленію вовсе не представляется загадкою и не возбуждаетъ любознательности и потребности причиннаго объясненія.

Юристы естественно принуждены по своей спеціальности касаться вопроса о существѣ права собственности, давать опредѣленія собственности, и т. д. Ходячія въ юрид. учебникахъ опредѣленія собственности сводятся къ тому, что это явленіе состоитъ во власти лица надъ вещью, въ (полномъ и исключительномъ) господствѣ лица надъ вещью, и т. п.

Но если, не „вещь" находится во власти собственника, а собственникъ во власти „вещи", напр., собственникъ звѣринца въ лапахъ своего же медвѣдя или тигра, то право собственности отъ такой перемѣны господства въ противоположное не прекращается (и не превращается въ право собственности „вещи" на лицо); точно также собственность не прекращается, если вещь находится не во власти собственника, а, напр., вора, грабителя или т. п., и нѣтъ никакой надежды на возстановленіе власти.

Отъ дѣйствительной „власти", дѣйствительнаго „господства" и т. п. собственность несомнѣнно принципіально отличается и этихъ двухъ вещей нельзя смѣшивать. Сообразно съ этимъ Кантъ усматриваетъ въ собственности особую, отличную отъ эмпирической власти, метафизическую власть лица надъ вещью, умопостигаемое, сверхчувственное владѣніе.

Сознаніе неудовлетворительности господствующей теоріи вызвало въ новое время попытки иначе опредѣлить существо собственности. Нѣкоторые юристы полагаютъ, что собственность состоитъ въ запретахъ „правопорядка" (или государства и т. п.), а именно въ запрещеніи посягать на данную вещь, обращенномъ ко всѣмъ людямъ кромѣ одного (собственника). По этой теоріи,

въ отличіе отъ господствующей, собственность представляетъ отношеніе не къ вещи, а къ другимъ людямъ и при томъ отношеніе, существующее между собственникомъ и всѣми другими; здѣсь уже получается власть не надъ вещью, а надъ всѣми другими людьми.

Но и эта теорія не можетъ быть признана удовлетворительной.

Страннымъ въ ней представляется прежде всего то ея логическое слѣдствіе, что, если, напр., кто либо сдѣлаетъ или купитъ въ лавкѣ булавку или иной предметъ, то всѣ готтентоты и прочіе люди, какіе живутъ на землѣ, попадаютъ въ особое положеніе и отношеніе къ покупщику, по ихъ адресу возникаютъ запреты и т. п.,—и удовлетворительнаго способа выпутаться изъ этого затрудненія теоретики права еще не нашли.

Но если даже допустить существованіе такихъ запретовъ, то все-таки теорія не достигнетъ своей цѣли, ибо совершенно непонятно, какъ изъ запретовъ посягать на вещь по адресу всѣхъ, кромѣ одного лица, можетъ возникнуть принадлежность права распоряженія, пользованія и т. д. для этого одного. Если запретить всѣмъ входъ въ ограду или часть лѣса, гдѣ находятся олень или зубры, то эти животныя не сдѣлаются отъ этого собственниками подлежащаго лѣсного участка.

Для созданія научной теоріи собственности нужно прежде всего исходить изъ того, что собственность не есть явленіе внѣшняго и объективнаго міра, она состоитъ отнюдь не во власти человѣка надъ вещью и не въ совокупности запрещеній кѣмъ бы то ни было по чьему бы то ни было адресу изданныхъ. Она есть психическое — эмоціонально - интеллектуальное — явленіе и существуетъ единственно въ психикѣ того, кто приписываетъ себѣ или другому право собственности. Кто приписываетъ *другому* право собственности, тотъ считаетъ себя (и другихъ) обязанными терпѣть любое отношеніе къ вещи (всякое воздѣйствіе на нее, употребленіе и злоупотребленіе, uti et abuti) со стороны этого другого и съ своей стороны воздерживаться отъ всякаго воздѣй-

ствія на вещь (безъ дозволенія другого, собственника), и притомъ эти обязанности переживаются императивно-аттрибутивно, т. е. представляемое пользованіе и свобода отъ вмѣшательства со стороны другихъ переживаются, какъ нѣчто причитающееся собственнику.

Кто приписываетъ *себѣ* право собственности на данное имѣніе или иной предметъ, тотъ считаетъ другихъ обязанными терпѣть любое (какое ему заблагоразсудится) хозяйничаніе, обращеніе съ вещью, и воздерживаться отъ вмѣшательства („не вступаться“) и притомъ переживаетъ эти психическіе акты съ аттрибутивною силою: любое и исключительное (свободное отъ вмѣшательства другихъ) хозяйничаніе ему причитается и этому должны другіе подчиняться.

Импульсивная сила соотвѣтственныхъ императивно-аттрибутивныхъ эмоцій создаетъ такое давленіе на поведенніе приписывающихъ себѣ и другимъ права собственности и даетъ въ результатѣ такое индивидуальное и массовое поведеніе людей, какого бы не было и не могло быть въ соціальной жизни безъ указанныхъ эмоціонально-интеллектуальныхъ факторовъ. А именно, что касается хозяевъ, то сознаніе своего права на исключительное хозяйничаніе является авторитетною санкціею соотвѣтственнаго отношенія къ вещи и къ ближнимъ, создаетъ такую мотивацію и такое поведеніе, какое мы именно наблюдаемъ въ дѣйствительной соціальной жизни, какъ типическое поведеніе собственниковъ [1]).

---

[1]) Съ точки зрѣнія техническихъ цѣлей юридической конструкціи и догматики существо и элементы права собственности слѣдуетъ опредѣлять слѣд. признаками: 1) Субъектомъ обязанности является каждый, кто бы онъ ни былъ, всѣ и каждый. Но, въ смыслѣ нашей теоріи, это отнюдь не означаетъ, что, въ случаѣ пріобрѣтенія кѣмъ либо изъ насъ какой либо вещи въ собственность, что то происходитъ со всѣми китайцами, готтентотами и т. д. По нашей теоріи юридическими субъектами обязанности и права являются логическіе субъекты къ предикатамъ «обязанъ», «имѣетъ право». Слѣдовательно и субъектами обязанности, въ случаѣ права собственности, являются отнюдь не столько то милліардовъ людей, живущихъ на земномъ шарѣ, а то, что означается словомъ

Что касается приписывающихъ другимъ право собственности, то императивно-аттрибутивное сознаніе своего долга воздерживаться отъ посягательствъ на чужія вещи и терпѣть любое хозяйничаніе другихъ, сознаніе того, что иное отношеніе было бы посягательствомъ на чужое право, лишеніемъ другого того, что ему авторитетно предоставлено, причитается, создаетъ такую мотивацію и вызываетъ такое поведеніе, какое мы именно наблюдаемъ въ общественной жизни какъ „само собою разумѣющееся" и эпидемическое, общесоціальное отношеніе къ чужимъ вещамъ и ихъ хозяевамъ (не соблюдаемое лишь спорадически и довольно рѣдко нѣкоторыми субъектами исключительнаго свойства, этически недоразвитыми или дегенерантами, ворами, грабителями и т. п.).

«всякій» въ сужденіи «всякій обязанъ воздерживаться отъ пользованія моею вещью» или т. п. «Всякій», «всѣ и каждый»—особаго рода идеи, въ умѣ находящіяся, а не столько то милліардовъ людей, находящихся въ разныхъ мѣстахъ земного шара. Кромѣ права собственности есть еще много другихъ правъ, которыя направлены противъ «всѣхъ и каждаго», въ которыхъ субъектомъ обязанности является «каждый, кто бы онъ ни былъ». Напр., сюда относится также право жизни, тѣлесной неприкосновенности, чести, свободы и проч.: «всѣ» обязаны воздерживаться отъ посягательствъ на нашу жизнь, здоровье, честь, свободу и т. д. Такія права называются абсолютными правами. Съ точки зрѣнія нашей теоріи конструкція абсолютныхъ правъ не представляетъ никакихъ затрудненій. Съ точки же зрѣнія господствующей теоріи права, какъ право собственности, такъ и всѣ прочія абсолютныя права приходится объяснять такъ, что получаются весьма своеобразныя послѣдствія. Напр., такъ какъ на землѣ ежеминутно рождаются и умираютъ люди, то и абсолютныя права наши мѣняются. Рожденіе каждаго негритенка въ Африкѣ создаетъ для насъ новаго субъекта обязанности для нашего права, по его адресу въ Африку моментально направляется «запрещеніе» и т. д. 2) Что касается самой обязанности—самаго права собственности, то здѣсь дѣло идетъ о сложной обязянности—сложномъ, изъ двухъ элементовъ состоящемъ правѣ. А именно право собственности есть сочетаніе: а) юр. обязанности («всѣхъ и каждаго») терпѣть всякія воздѣйствія на вещь со стороны собственника, т. е. правомочія собственника на всякія, какія ему заблагоразсудятся, воздѣйствія на вещь. Объектомъ обязанности является терпѣніе любого воздѣйствія на вещь со стороны собственника, объектомъ права собственника является любое воздѣйствіе на вещь съ его стороны (по господствующей «матеріалистической» теоріи собственности объектомъ права здѣсь является сама вещь; объясне-

Получается въ результатѣ такой соціальный процессъ, какъ если бы имѣнія, орудія производства и т. д. были какими-то невидимыми цѣпями закрѣплены за одними и какими-то невидимыми стѣнами отдѣлены отъ другихъ; соотвѣтственныя явленія кажутся вслѣдствіе ихъ обычности естественными и не требующими особыхъ объясненій.

Характернымъ симптомомъ и послѣдствіемъ общности и постоянства того поведенія людей по отношенію къ своимъ и чужимъ недвижимымъ имѣніямъ и прочимъ вещамъ, которое вызывается психикой права собственности, является, между прочимъ, то, упомянутое выше, традиціонное воззрѣніе на право собственности, которое усматриваетъ въ этомъ правѣ непосредственную „связь" вещи съ лицомъ, господство, власть лица надъ вещью и т. п. Это воззрѣніе покоится на смѣшеніи тѣхъ внѣшнихъ впечатлѣній, тѣхъ эффектовъ, которые обыкновенно имѣютъ мѣсто вслѣдствіе поведенія людей, соотвѣтствующаго мотиваціи, свойственной психикѣ права собственности, съ самимъ правомъ собственности. Поскольку люди соблюдаютъ типическое поведеніе,

ніе неудовлетворительности такой теоріи объектовъ и предпочтительности нашей теоріи объектовъ мы доставимъ въ другомъ мѣстѣ). Впрочемъ, въ выраженіяхъ «любое воздѣйствіе на вещь» (объектъ права), «терпѣніе любого воздѣйствіе на вещь» (объектъ обязанности) слѣдуетъ внести оговорку: кромѣ развѣ особенно изъятыхъ (правомъ даннаго времени, даннаго мѣста) дѣйствій. Для выраженія того, что собственникъ имѣетъ право не на спеціально опредѣленныя и перечисленныя дѣйствія, а на всяческія (и не поддающіяся, по своему многообразію, перечисленію) дѣйствія, кромѣ особо изъятыхъ, мы назовемъ интересующее насъ право собственника «общимъ» правомъ воздѣйствія на вещь, обязанность противоположной стороны—«общей» обязанностью терпѣть воздѣйствія собственника на вещь (при чемъ условный терминъ «общій» не означаетъ абсолютно-общій, не исключаетъ возможности особыхъ изъятій). б) Вторымъ составнымъ элементомъ собственности является лежащая на каждомъ, закрѣпленная активно за собственникомъ «общая» обязанность воздержанія отъ посягательства на чужую вещь—«общее» право собственника на свободу отъ посягательствъ. Объектомъ обязанности является здѣсь воздержаніе отъ какихъ бы то ни было воздѣйствій на чужую вещь (кромѣ развѣ особо изъятыхъ, что и обозначено нами выраженіемъ: «общая» обязанность воздержанія отъ воздѣйствій), объектомъ права является свобода отъ всякихъ (кромѣ особо изъятыхъ) посторонихъ воздѣйствій.

опредѣляющееся эмоціональными и интеллектуальными элементами психологіи собственности, получается впечатлѣніе особой „связи лица съ вещью“ и имѣется на лицо „господство надъ вещью“.

Считаемъ нужнымъ особенно подчеркнуть:

Интересующій насъ соціальный процессъ не существовалъ бы, соціальныя явленія имѣли бы совсѣмъ иной видъ и характеръ, не только въ томъ случаѣ, еслибы правда было, будто людьми руководятъ только мотивы удовольствія и неудовольствія, если бы правильны были въ этомъ отношеніи представленія современной психологіи, но и въ томъ случаѣ, если бы этическія эмоціи въ нашемъ смыслѣ, какъ sui generis моторные психическіе акты, существовали только въ видѣ императивныхъ эмоцій безъ аттрибутивной силы.

Нѣчто подобное типическому поведенію сознающихъ чужое право собственности и приписывающихъ себѣ право собственности бываетъ въ жизни на почвѣ чисто моральной въ нашемъ смыслѣ психики, по чисто императивнымъ импульсамъ, и иногда имѣютъ мѣсто даже очень трогательныя и внушающія уваженіе явленія этого рода.

Напр., если нѣсколько человѣкъ, путешественниковъ или т. п., обладаютъ ограниченнымъ запасомъ пищи или воды (въ пустыни, на морѣ или т. п.), но всѣ пока здоровы, а одинъ изъ нихъ боленъ и нуждается въ особомъ уходѣ и средствахъ поддержанія жизни, и остатокъ пищи или воды предоставляется по нравственнымъ побужденіямъ больному, то посторонній наблюдатель, не знающій психики человѣческой или не умѣющій ея толковать, не отличилъ бы подчасъ имѣющейся въ данномъ случаѣ картины внѣшняго поведенія людей отъ той картины человѣческаго поведенія, подъ которою, какъ психическая пружина, скрывается сознаніе права собственности.

Впрочемъ, я полагаю, что полное совпаденіе упомянутыхъ двухъ картинъ едва ли вообще возможно. Нашъ воображаемый постороній наблюдатель въ случаѣ извѣстной степени внима-

тельности и умѣнія наблюдать замѣтилъ бы, напр., въ глазахъ больного, принимающаго остатокъ пищи или воды, слабый блескъ (умиленія и благодарности) и разные другіе оттѣнки, черты и черточки въ выраженіи лицъ, тѣлодвиженіяхъ и т. д. дѣйствующихъ лицъ, такіе оттѣнки, которыхъ бы онъ въ сферѣ поведенія собственниковъ и отношенія къ нимъ несобственниковъ не замѣтилъ. Собственники относятся къ пользованію своими вещами и къ соотвѣтственному поведенію другихъ, какъ къ чему-то само собою разумѣющемуся, и особой растроганности и умиленія ни въ выраженіи лица, ни въ прочихъ тѣлодвиженіяхъ, рѣчахъ и т. д. не проявляютъ.

Но если бы и случались въ жизни такія полныя совпаденія картинъ внѣшняго поведенія на почвѣ чисто императивной психики и императивно-аттрибутивнаго сознанія права собственности, что посторонній наблюдатель, не умѣющій толковать человѣческой психики, не различилъ бы одной совокупности дѣйствій отъ другой, то всетаки рѣчь можетъ идти лишь объ исключительныхъ случаяхъ.

Обыкновенно двѣ интересующія насъ категоріи картинъ поведенія весьма рѣзко и, даже для поверхностнаго наблюдателя, ясно отличаются другъ отъ друга. Приписывающіе себѣ право собственности ведутъ себя иначе, нежели тѣ, которые принимаютъ милостыню или вообще благодѣяніе отъ другихъ, а многіе, вслѣдствіе сознанія своего достоинства и нѣкоторыхъ иныхъ чертъ характера, вообще не захотѣли бы принять благодѣянія отъ другихъ (будетъ ли это милостыня въ собственномъ смыслѣ, или явленіе, имѣющее иное названіе), хотя бы и были чисто императивно убѣждены, что другіе исполняютъ свой нравственный долгъ, оказывая имъ помощь, отказываясь въ ихъ пользу отъ пользованія чѣмъ либо, и т. д. Еще болѣе ясно и не требуетъ длинныхъ поясненій, описаній и т. д., что среднее, типичное поведеніе людей, сознающихъ чужое право собственности, и людей, находящихся на почвѣ чисто-моральнаго сознанія—двѣ совершенно различныя, даже съ чисто внѣшней

стороны, величины,—и въ тѣхъ случаяхъ, когда чисто императивное сознаніе подталкиваетъ къ предоставленію чего-либо въ исключительное пользованіе другого; уже выше мы указали, что степень надежности и постоянства императивно-аттрибутивной мотиваціи иная, нежели въ случахъ чисто императивной мотиваціи, но есть и другія различія.

Такимъ образомъ мы можемъ утверждать, что не только люди, стоящіе на почвѣ гедонистическаго, или утилитаристическаго толкованія человѣческаго поведенія, въ томъ числѣ спеціалисты въ области изученія и толкованія психики человѣческой, современные психологи, впали бы въ большую ошибку, полагая, что то внѣшнее индивидуальное и массовое поведеніе которое мы видимъ ежедневно и всюду вокругъ себя, какъ поведеніе собственниковъ и особое отношеніе несобственниковъ къ чужимъ вещамъ, не представляетъ ничего особеннаго, непонятнаго и таинственнаго, съ точки зрѣнія ихъ психологическихъ теорій (предразсудковъ), но и тѣ люди, которые бы приняли во вниманіе особую природу и особый характеръ и моторную силу нравственнаго, чисто императивнаго сознанія, тоже только по ошибкѣ могли бы думать, что интересующія насъ соціальныя явленія не представляютъ для нихъ неразрѣшимой загадки, если бы они не приняли сверхъ того во вниманіе еще иного сорта эмоцій, а именно императивно-аттрибутивныхъ побужденій.

Мы говорили выше о чисто *внѣшнемъ поведеніи* приписывающихъ собственность себѣ и другимъ и отличіи его отъ внѣшняго поведенія на почвѣ чисто моральнаго сознанія; что же касается различія самихъ этихъ двухъ категорій актовъ этическаго сознанія, то, послѣ общихъ указаній на этотъ счетъ, мы объ этомъ считаемъ лишнимъ распространяться. Отмѣтимъ только, что безъ знанія и принятія во вниманіе императивно-аттрибутивной функціи правовыхъ психическихъ актовъ, особаго характера императивно-аттрибутивныхъ эмоцій, а оставаясь только на почвѣ императивовъ (даже при пониманіи ихъ не какъ указовъ, приказовъ и запретовъ свыше и т. п., а какъ особыхъ

психическихъ актовъ), нельзя понимать психики не только собственности, но и всякаго другого соціальнаго закрѣпленія хозяйственныхъ, матеріальныхъ и нематеріальныхъ благъ за членами общества; нельзя объяснить никакой соціальной принадлежности (въ отличіе отъ чисто физическаго держанія, какое бываетъ и у животныхъ, напр., держаніе во рту, въ когтяхъ, въ рукахъ). Всякая теорія не только собственности, но и другихъ соціально-психическихъ орудій распредѣленія благъ между людьми, закрѣпленія за тѣми или другими индивидами или коллективными единицами (напр., въ международныхъ отношеніяхъ, въ родовомъ, общинномъ бытѣ) тѣхъ или иныхъ благъ въ принадлежность имъ, покоящаяся на чисто императивной почвѣ—contradictio in adjecto, теорія принадлежности безъ принадлежности.

Право собственности играетъ въ нашемъ изложеніи роль представителя и образца весьма обширнаго класса правъ, имя коимъ легіонъ, и кои создаютъ соціальную принадлежность (принадлежность во мнѣніи общества) разныхъ хозяйственныхъ и идеальныхъ благъ разнымъ существамъ (казнѣ, городамъ, земствамъ, сельскимъ обществамъ, компаніямъ, индивидамъ, божествамъ...).

Такія, напр., права, какъ сервитуты (права ограниченнаго пользованія извѣстными вещами) и прочія т. н. „вещныя права", права авторовъ, художниковъ, изобрѣтателей, права на жизнь, тѣлесную неприкосновенность, честь, имя, титулы, званія и проч. (и соотвѣтственнное соціальное поведеніе) легко могутъ быть объяснены по схемамъ, указаннымъ нами для объясненія права собственности.

Мы можемъ безъ повторенія подобныхъ объясненій (mutatis mutandis) по поводу разныхъ иныхъ правъ, закрѣпляющихъ тѣ или иныя хозяйственныя и нехозяйственныя блага за тѣми или иными лицами (индивидуальнаго и иного характера), выставить слѣдующую важную для соціальныхъ наукъ общую теорему:

Соціальное распредѣленіе благъ (distributio), дистрибутивныя соціальныя явленія, имѣютъ въ своей основѣ аттрибутивную

психику: безъ надѣлительныхъ, аттрибутивныхъ эмоцій правовой психики нѣтъ соціальнаго закрѣпленія матеріальныхъ и идеальныхъ благъ за индивидами и коллективными соціальными единицами. (Въ частности: чисто императивная психика морали по природѣ своей не создаетъ соціальной принадлежности благъ и поэтому не можетъ исполнять въ обществѣ функціи распредѣленія).

Важною для соціологіи и спеціальныхъ общественныхъ наукъ, напр., политической экономіи, науки права и т. д., мы считаемъ эту теорему не только съ точки зрѣнія т. ск. соціальной статики, пониманія наличныхъ пружинъ существующаго соціальнаго строя (повторяющихся процессовъ), но и съ точки зрѣнія „динамики“, въ частности выясненія происхожденія и развитія извѣстнаго, напр., „капиталистическаго“, основаннаго на частной собственности на орудія производства, строя, и иныхъ системъ распредѣленія (а слѣдовательно, и производства, и т. д.).

Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, объяснять происхожденіе и развитіе чего либо, напр., хотя бы того же „капиталистическаго строя“, не зная, что оно собственно такое, какова природа, каковъ составъ этого факта. Если правда то, что мы старались выяснить выше, а именно,—что дѣло идетъ объ эмоціонально-интеллектуальныхъ сочетаніяхъ, то и вопросъ относительно происхожденія и развитія данной системы распредѣленія гласитъ такъ: какъ происходятъ и развиваются вообще и какъ произошли и развились въ исторіи нашей культуры соотвѣтственныя человѣческія убѣжденія, ассоціаціи такихъ-то эмоцій и такого-то рода представленій? Къ этому вопросу мы надѣемся возвратиться въ другомъ мѣстѣ. Теперь мы хотѣли его только поставить.

